Д. Б. РЯЗАНОВ

EH378
P 986 3

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“
1923

EH378
P986з

Д. РЯЗАНОВ

ЗАДАЧИ ПРОФСОЮЗОВ

ДО И В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ХАРЬКОВ
1923

К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2000
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд
СФ 46537
ЕН 378
Р 98 6з
СФ 24584
Институт ... № 1568 БИБЛ
282457
282457

Трест „Киев-Печать“ типография № 8
ул. Л. Толстого (б. Караваевская) № 5.
Р. У. П. Киев 1923. Зак. 733. 10.000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этом издании собраны статьи и доклады, в которых мне, в течение пятнадцатилетней не только теоретической, но и практической работы в области русского профессионального движения, приходилось формулировать свои взгляды на роль профсоюзов и их отношение к партии.

В отличие от многих других товарищей я был всегда противником так наз. нейтральности профсоюзов. Только полное незнакомство с историей русского профдвижения дает возможность таким товарищам, как Троцкий, зачислить меня по ведомству «советского тред-юнионизма». Правда, что я всегда выдвигал в первую очередь функцию профсоюзов, как одного из основных элементов классовой организации пролетариата, как практической школы социализма или коммунизма.

И до и после октябрьского переворота, я выступал против всяких синдикалистских уклонений, против всех попыток превратить профсоюзы в самодовлеющую или наиболее важную форму рабочей организации, против всех попыток сделать из них основные ячейки коммунистического строя.

Кризис, переживаемый нашим профессиональным движением, об'ясняется не только теми об'ективными причинами, на которые обычно указывалось и указывается в наших дискуссиях и различных платформах. В не меньшей степени обескровлены и перегружены, в силу требований фронта, и партия, и советская организация, которые также переживают кризис. Но в области проф. движения к этим общим причинам присоединяется еще одна. Дело в том, что все еще не определены с надлежащей точностью настоящие функции профсоюзов, все еще не проведено ясное разграничение между их компетенцией и компетенцией других органов, созданных рабочим классом после 25 октября. Попытка решить эту задачу в программе, принятой 8-м с'ездом, оказалась на практике несостоятельной, и уже 9-ый с'езд должен был внести ряд поправок, половинчатых и непоследовательных.

Так называемая платформа десяти делает крупный шаг вперед и выдвигает как раз те функции профсоюзов, которые делают из них в первую очередь не органы управления промышленностью, а практические школы коммунизма.

Остается сделать дальнейший шаг. Пора признать и в программе, что, принимая участие во всех местных и центральных органах управления промышленностью, вырабатывая вместе с ними план организации всего народного хозяйства, как единого целого, профсоюзы должны в первую очередь выполнять следующие функции: организация труда для производства, поднятие материального и духовного уровня трудящихся, охрана рабочей силы в процессе производства и вне его, производственное воспитание и повышение квалификации рабочей силы. Пора признать, что профсоюзы, на-ряду с важными задачами в области *организационно-хозяйственной*, должны выполнять не менее важную *воспитательную* задачу. Практическая школа коммунизма, они воспитывают наиболее ценную производительную силу—революционный рабочий класс,—превращая его, под руководством коммунистической партии, в сознательный фактор коммунистического преобразования всего общественного строя.

Эти взгляды я защищал на всех с'ездах профсоюзов после 25 октября, а также и на партийных с'ездах. Логически вытекающее из них требование передать все функции Народного Комиссариата Труда высшему органу профдвижения, Всероссийскому Центральному Совету Профсоюзов,—требование, которое я защищал в своем докладе на девятом партийном с'езде, теперь принимается почти всеми.

В подготовляемой мною к печати работе, в которой я прослеживаю эволюцию взгладов Маркса и Энгельса на роль профсоюзов, я надеюсь доказать, что наша программа в соответствующих пунктах нуждается в существенной поправке, что свободная от синдикалистского уклона и в определении политической роли профсоюзов, она, вместе с программой индустриального социализма, неверно определяет роль профсоюзов в деле организации производства и управления народным хозяйством.

Февраль 1921.

Предисловие ко второму изданию.

Настоящее издание дополнено рядом статей, относящихся к первому периоду нашего профдвижения. У нас теперь развелось так много Иванов непомнящих, что не мешает напомнить, какая работа и в каком направлении выполнена была в нашем профдвижении в борьбе как с меньшевистским оппортунизмом, с его неизменной склонностью к «ликвидаторству» и «соглашательству», так и со всякими представителями всякого рода «левизны» с неизменной склонностью к «бойкотизму» и синдикализму.

Последнее постановление ЦК, подвергшееся тщательной редакционной обработке в Комиссии XI партийного с'езда, несмотря на некоторые уступки представителям «огосударствления» профсоюзов, может явиться поворотным пунктом в истории нашего профдвижения, если оно будет «всерьез» проводиться на практике.

Ряд критических замечаний, относящихся к первой редакции постановления ЦК и его окончательной редакции, полученной им в резолюции XI партийного с'езда, товарищи найдут в перепечатываемой мною из стенографических протоколов речи на с'езде, а также в послесловии к ней.

В приложениях помещены и несколько резолюций, вносившихся мною по основным вопросам профдвижения. Хотя некоторые из них были «отвергнуты», они все же представляют интерес для занимающихся историей русского профдвижения. Резолюций «принятых» и резолюций, в редакции которых я принимал участие, несравнено больше, но они уже вошли неразрывной частью в теорию и практику наших профсоюзов.

Д. Рязанов.

Май 1922.

ОБ'ЕДИНИТЕЛЬНЫЙ С'ЕЗД Р.С.-Д.Р.П. О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗАХ [1]).

На недавно закончившемся (стокгольмском) об'единительном с'езде Р. С.-Д. Р. П. была принята, между прочим, следующая резолюция о профессиональных союзах:

«Принимая во внимание:

1) что профессиональное движение является необходимым элементом классовой борьбы, а профессиональные союзы—таким же элементом классовой организации пролетариата;

2) что, по существу преследуемых ими целей, профессиональные союзы должны стремиться к организации самых широких пролетарских масс;

3) что, в частности, среди российского пролетариата замечается широкое стремление к профессиональным организациям;

4) что экономическая борьба может привести к прочному улучшению положения рабочих масс и к укреплению их истинно-классовой организации лишь при условии правильного сочетания ее с политической борьбой пролетариата;

5) что профессиональные союзы в атмосфере революционной эпохи, помимо защиты интересов рабочего класса, втягивают пролетариат в непосредственную политическую борьбу и содействуют широкой организации и политическому об'единению рабочего класса;

6) что в этой же революционной атмосфере рабочие массы организуясь и политически об'единяясь, все более и более становятся под знамя социал-демократии, с'езд признает:

1) что партия должна поддерживать стремление рабочих к профессиональной организации и всеми мерами содействовать образованию беспартийных профессиональных союзов;

2) что в этих видах, пользуясь всеми легальными возможностями и, в частности, законом о профессиональных союзах, следует непрерывно расширять легальные рамки, неуклонно борясь за полную свободу союзов;

3) что в союзы должны вступать все члены партии, принимая активное участие во всей деятельности союза и постоянно укре-

---

[1]) „Проф. Союз", 1906, № 18—19.

пляя среди членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы органически, в борьбе и агитации, связать союзы с партией».

Можно не соглашаться с редакцией того или другого абзаца этой резолюции—мы ниже укажем на некоторые ее недостатки—но принятие ее на об'единительном с'езде доказывает, что период шатаний и разброда, в вопросе об «экономической борьбе», так или иначе заключен, что иллюзии и ошибки так наз. «экономистов» или «политиков» уже изжиты партией. Конечно, в российской социал-демократии и впредь будут существовать разногласия по вопросу о значении профессиональных союзов, об отношении этих союзов к партии, о пределах и возможностях развития профессиональных союзов и т. д. и т. д. Но эти разногласия будут иметь под собой общую почву, на которой одинаково стоят все члены партии. И это *общее* нашло себе выражение в приведенной резолюции:

«Профессиональное движение является необходимым составным элементом классовой борьбы, а профессиональные союзы—таким же элементом классовой организации пролетариата».

Это значит, что профессиональная борьба является таким же необходимым составным элементом классовой борьбы пролетариата, как и его политическая борьба, что профессиональные союзы являются таким же элементом классовой организации пролетариата, как и его политические союзы. Различие форм движения, неодинаковость его организационных ячеек диктуется различием характера и условий экономической и политической борьбы пролетариата.

Пусть профессиональная борьба развивается самым усиленным темпом, пусть профессиональное движение растет беспрерывно, для него все-таки имеются пределы, их же не прейдеши, оно заключено в рамки, из которых оно, как таковое, никогда не может выйти. Оно тем сильнее, чем больше охватило оно *данную профессию*, профессиональный союз представляет тем более могучую организацию, чем больше вошло в него членов *данной профессии*. Таким образом, *об'единяющая* сила профессиональной организации тем больше, чем сильнее она группирует пролетариат по *отдельным профессиям*. С этой тенденцией надо бороться, с этой тенденцией можно бороться, но она существует, от нее не отговоришься никакими выспренними фразами об особых специфических преимуществах профессиональных организаций. Вот почему профессиональное движение является только *одним* из элементов классовой организации пролетариата и ни в коем случае не может служить ни ее основой, ни ее заменой. И то же самое приходится сказать о политической борьбе, о политической организации. Всякие попытки положить в основу классовой организации пролетариата организацию, приспособленную для *одной* рфомы рабочего движения, превратить профес-

сиональное или политическое движение в главную форму классового движения пролетариата, должны быть одинаково отвергнуты.

У нас много говорят об «использовании» профессиональных союзов политическими организациями. Можно надеяться, что после резолюции, принятой на с'езде, в этом вопросе получат распространение более здравые взгляды на значение социал-демократической организации и ее составных элементов.

Социал-демократия должна руководить как экономической, так и политической борьбой пролетариата. Ни одна из них не *подчиняется* другой, ни одна из них не может «использовать» другую. Наоборот, социал-демократия—носительница классового движения пролетариата—*соподчиняет* их своей главной организации—социал-демократической, организующей пролетариат для осуществления его главной цели, присущей ему в отличие от *всех* других классов общества, для борьбы за его классовые интересы. А этой целью, этим классовым интересом, может быть только уничтожение классового характера всего современного общества, ибо освобождение рабочего класса немыслимо без уничтожения деления общества на классы. Организации во имя этой идеи должны одинаково подчиняться как политическая, так и экономическая организация пролетариата, и эта организация пролетариата, его классовая организация, в основе которой лежит социал-демократический союз, и может, и должна «использовать» в интересах своей основной задачи как экономическую, так и политическую организацию пролетариата, как профессиональные союзы, так и другие организационные ячейки, в которые отливается стремление пролетариата к единению.

Но это «использование» никогда не должно производиться механическим путем. Вникая внимательно во все нужды рабочего движения, даже самые мелкие, выступая бесстрашно на защиту его интересов, социал-демократия создает в среде рабочего класса традиции, которые лучше обеспечивают ее так называемую «гегемонию», чем самые сильные «революционные» средства.

Профессиональные союзы не только «в атмосфере революционной эпохи»—как выражается резолюция—«втягивают пролетариат в непосредственную политическую борьбу». Даже сами по себе, даже в том случае, если они ограничиваются борьбою в рамках существующего строя, они не только «втягивают» пролетариат в политическую борьбу, но и предполагают, как необходимое условие своего развития, неустанную борьбу за демократизацию всего политического и общественного уклада. На каждом шагу своей деятельности, при каждой попытке осуществить принадлежащие им «священные права гражданина», члены профессиональных союзов убеждаются, что одно дело продавать такой товар, как человеческую рабочую силу, и другое дело—продавать товары, произведенные при помощи эксплоатации этой рабочей силы. Весь штат вольностей и свобод, о которых так много гово-

рит вольнолюбивая буржуазия, а у нас—партия «народной свободы», подвергается внезапной метаморфозе.

Только что провозглашенные основные права—неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения, свобода слова, печати, собраний и союзов, равноправие всех граждан и т. д. и т. д.—с помощью маленьких юридических фокус-покусов—превращаются в свою противоположность. Члены профессиональных союзов убеждаются при первой же стачке, что для стачечников не существует ни одна из только что перечисленных свобод, что они могут быть обеспечены в полной степени только тогда, когда за рабочим классом обеспечено в полной мере его основное право гражданина—право коалиций и стачек без всяких ограничений, когда из гражданского и уголовного законодательства исключены всякие оговорки и лазейки, направленные прямо или косвенно против этого основного права.

К своему величайшему изумлению они узнают, что буржуазное общество, создавшее сложный политический административный аппарат для защиты права частной собственности, отказывает в этой защите или ставит всякие препятствия для осуществления этого права, раз речь идет о частной собственности рабочего на свою рабочую силу. Таким образом, логически и исторически, профессиональные союзы и их члены всей своей практикой все больше и больше приближаются к тому пункту, с которого для них приподнимается завеса, скрывающая тайну всего буржуазного общества—эксплоатацию рабочего класса классом капиталистов. Все яснее и яснее становится, что между рабочим классом и буржуазными классами существует принципиальная противоположность, все отчетливее вскрывается классовая сущность либеральной и буржуазной демократии. Осуществление требований рабочей демократии—а без них немыслимо нормальное развитие профессиональных союзов—*обнажает* классовую структуру общества и окончательно разрушает иллюзии об общности интересов и требований «всего народа».

С другой стороны, и в своей борьбе, поскольку она носит непосредственно экономический характер, в своей борьбе за уменьшение нормы эксплоатации, профессиональные союзы наталкиваются также на новую преграду. Только при очень исключительных условиях удается той или иной категории привилегированных рабочих добиться сносной заработной платы и более короткого рабочего дня. Профессиональная организация с трудом охватывает большую часть рабочего класса. И самый могучий профессиональный союз убеждается, что он бессилен против неумолимых законов капиталистического производства. Кризисы слишком больно напоминают об этом, а растущая безработица все больше ухудшает условия профессиональной борьбы.

Таким образом, профессиональные союзы толкаются под влиянием двух факторов к одному и тому же выводу. Отказывая

им в той защите, которую оно щедрой рукой предоставляет эксплоататорам, ставя им на каждом шагу всевозможные препятствия, буржуазное общество волей-неволей обнаруживает основу своего существования—эксплоатацию рабочего класса.

Рабочие все больше и больше приходят к сознанию своих особых классовых интересов, об'единяющих их, несмотря на различие профессий. Образование особой партии рабочего класса диктуется тогда с непреодолимой силой.

И с такой же необходимостью, как мы только что указали, вырисовывается и та цель, которую должна ставить себе такая партия—уничтожение эксплоатации человека человеком, создание такого общественного строя, при котором рабочая сила человека перестанет быть товаром.

На этой стадии своего развития профессиональные союзы встречаются с социал-демократией, как организацией наиболее сознательной части рабочего класса, уже успевшей понять условия своего освобождения. И слияние рабочего движения с социализмом, превращение массового рабочего движения в социал-демократическое, ускоряется тем больше, чем энергичнее отстаивает социал-демократия пролетарские интересы, чем настойчивее она подчеркивает «узкие» классовые интересы пролетариата.

Особенно важно делать это дело именно «в атмосфере революционной эпохи». В такие моменты, когда существующий «порядок» вызывает против себя «всеобщее» негодование, когда протест может быть «всеобщим», лишь превращаясь в среднюю величину, выражающую требования пролетариата только в слабой степени, социал-демократия должна особенно резко формулировать его требования. Всякое умаление их с целью не портить «всеобщего» согласия, является изменой делу пролетариата. Более того. Задерживая развитие классового сознания пролетариата, оно в то же время является изменой интересам общественного развития. Кто завоевывает «свободы» для пролетариата, тот завоевывает их для *всего* народа. А пример партии народной свободы, с ее пресловутыми «черновиками» показывает, как легко под фирмой «народной свободы» создавать новые оковы для свободной самодеятельности рабочего класса. Вот почему особенно резкое подчеркивание «узких» классовых интересов пролетариата в данный момент, в «атмосфере революционной эпохи», явилось бы лучшей тактикой со стороны партии, отстаивающей интересы рабочего класса, лучше всего обеспечило бы за ней гегемонию среди тех масс, которые доходят до сознания своих классовых интересов путем медленной и упорной борьбы за свои непосредственные интересы.

Говоря о значении экономической борьбы, резолюция должна была бы сильнее подчеркнуть громадное значение этой борьбы в деле нравственного под'ема и усиления рабочего класса. Вопрос о том, насколько экономическая борьба, даже в ее вполне орга-

низованном виде, поскольку она ведется профессиональными союзами, может «привести к *прочному* улучшению положения рабочих масс»—вопрос этот решается далеко не так категорически, как это формулировано в резолюции. Нужно было либо совсем не касаться его, либо более определенно высказаться и по вопросу о пределах, которые в капиталистическом строе заранее ограничивают значение экономической борьбы и в неоформленном виде, и в наиболее организованном.

Можно только приветствовать решение с'езда, что «в союзы должны вступать все члены партии, принимая активное участие во *всей* деятельности союза». Только помогая росту и укреплению профессиональных организаций, принимая самое деятельное участие в *повседневной* деятельности союза, социал-демократы создадут условия, при которых они смогут успешно заняться работой «укрепления среди членов союзов классовой солидарности и классового сознания»—только принимая активное участие во *всей* деятельности союза, они сумеют «органически», в борьбе и агитации связать союзы с партией».

Мы тоже думаем, что было бы очень нецелесообразно устраивать *партийные* профессиональные союзы.

Нам кажется только, что и выбранный с'ездом термин «*беспартийный*» будет вызывать такие же недоразумения, как и термин *нейтральный*. Профессиональные союзы могут быть *непартийными*, они формально не приписаны ни к какой партии, но от них нельзя требовать, да и—как мы уже видели выше—по самому существу они не могут быть равнодушны к вопросу о том, какую партию они должны поддерживать с точки зрения своих интересов. Они не могут не вести агитацию среди своих членов, чтобы последние поддерживали только ту партию, которая без всяких колебаний и компромиссов будет отстаивать интересы рабочего класса, будет добиваться осуществления тех политических условий, которые одни только могут обеспечить свободную самодеятельность рабочего класса во всех ее формах.

Резолюция указывает еще на необходимость пользоваться «всеми легальными возможностями» и, в частности, законом о профессиональных союзах, но в то же время, «непрерывно расширять легальные рамки, неуклонно борясь за полную свободу союзов».

«Временные» правила о собраниях, о союзах и обществах, о печати,—все это дает нам «легальные возможности», которые должны, конечно, быть использованы. Но члены партии поступили бы очень легкомысленно, если бы в вопросе о легализации профессиональных союзов стали на точку зрения «бойкотистов» или «антибойкотистов».

Можно и должно доказывать необходимость *легализации* профессиональных союзов, но не надо забывать, что «легализироваться» можно двояким образом: либо путем *заявки*, либо путем *регистрации*.

Партия поступила бы очень неосторожно, если бы хотела дать свою санкцию тому или другому способу легализации вместо того, чтобы предоставить решение этого вопроса самим профессиональным союзам. Такое вмешательство сделало бы партию ответственной за все те невыгодные последствия, которые могла бы повлечь за собою та или другая *форма легализации* профессиональных союзов.

ПОЧЕМУ ТАК ПОЗДНО ОРГАНИЗОВАЛСЯ В ПЕТЕРБУРГЕ СОЮЗ РАБОЧИХ ПО МЕТАЛЛУ? [1]).

Могучий рост профессионального движения в течение последних месяцев привлекает к себе всеобщее внимание. То в одной, то в другой отрасли промышленности возникают, одни за другими, союзы. Многие из них после кратковременного существования исчезают, чтобы после возродиться в другой форме, в другом сочетании. Движение охватило не только ремесленников, в него все больше и больше втягиваются фабричные и заводские рабочие.

Почему же рабочие по металлу, представители одной из самых крупных отраслей промышленности, отстают от своих товарищей, почему же союз рабочих по металлу, союз, которому предстоит блестящее будущее, организовался так подзно? Неужели рабочим по металлу труднее дается организация, чем булочникам? Разве условия производства, концентрация громадных масс рабочих в нескольких пунктах не дает огромное преимущество именно рабочим по металлу?

Это странное на первый взгляд явление различные наблюдатели об'ясняют различными причинами.

Рабочие по металлу,—говорят одни,—мало нуждались до сих пор в профессиональной организации. Сильные своей массой, они легко добивались экономических уступок; они умели внушить к себе почтение и ставили известные пределы экономической эксплоатации.

В этом об'яснении имеется известная доля истины. Конечно, и при самодержавном режиме рабочим по металлу легче было вести экономическую борьбу, чем рабочим других отраслей промышленности. Но именно старый опыт неорганизованной или плохо организованной борьбы должен был бы показать им, как велико значение планомерной, исподволь вырабатываемой организации. Не одна стачка кончалась неудачей просто потому, что рабочие не успевали загодя подготовиться, формулировать общие требования, выдвинуть на первый план некоторые основные пункты. Стачки часто начинались раньше, чем рабочие успевали придти к соглашению между собою. В огромном большинстве случаев оборонительные, они начинались одинаково неожиданно как для предпринимателей, так и для рабочих. Нужно было благоприятное стечение обстоятельств, чтобы стачки кончились победой. Но и тогда, когда рабочим удавалось добиться уступки, они уже через

---

[1]) „Рабочий по металлу“ № 1, 22 июня 1906 г.

несколько месяцев теряли все, завоеванное с таким громадным трудом. И самой прочной гарантией для них являлись все-таки особые условия их профессии, до поры до времени ограждавшие их от конкуренции со стороны своих же товарищей.

Организация союза рабочих по металлу подвигается вперед медленно—говорят другие—потому, что организаторы старались организовать всю отрасль промышленности вместо того, чтобы организовать рабочих по металлу по отдельным профессиям, т.-е. отдельно токарей, слесарей и т. д.

Это об'яснение не выдерживает никакой критики. Не потому только, что и вообще первая форма представляет огромные преимущества над организацией по «цехам». Вряд ли сами организаторы отчетливо сознавали разницу этих форм организации. Скорее их толкало к этому полное отсутствие «цеховых»,узко профессиональных тенденций, наличность сильно развитого *классового* духа.

Мы подходим, таким образом, к факту, который проходит красной нитью через всю историю последних лет: *политическая борьба, борьба за право вести свою классовую борьбу против капиталистов*, поглощает почти все силы наиболее сознательных и энергичных рабочих по металлу, которые, вместе с печатниками, являются застрельщиками и передовым отрядом всего рабочего движения.

Десять лет назад, во главе петербургского рабочего движения стояли рабочие по обработке волокнистых веществ. Знаменитая стачка в мае 1896 г. открыла новую эпоху в истории русского рабочего движения, положив начало массовой экономической борьбе рабочего класса.

А пять лет спустя, 7 мая 1901 г., рабочие Обуховского сталелитейного завода, открыли следующий период: *период массовой политической борьбы рабочего класса*. Суд, или вернее судебная комедия, разыгранная правительством, должен был признать, что «из побуждений, возникших под влиянием пропаганды на почве экономических отношений рабочих к капиталистам», рабочие выставили такие «чисто-экономические требования», как *празднование 1-го мая и политическая свобода*.

С тех пор петербургские рабочие по металлу—обуховцы, путиловцы, семянниковцы и т. д. и т. д.—берут на себя всю тяжесть борьбы за политическое освобождение рабочего класса, а вместе с тем всего русского народа. Ни ссылка, ни тюрьма, ни казни не могут остановить этого движения. Январьская стачка 1905 г., стачка в июне, всеобщие забастовки в октябре и ноябре—всегда находят рабочих по металлу в первых рядах. На них же обрушилась и реакция: неслыханные репрессии, провокаторские закрытия заводов, искусственно усиливаемая безработица—сыпались на них, как египетские казни. Почти все наиболее энергичные их представители отданы были в жертву тюрьме или голоду.

Удивительно ли после того, что союз рабочих по металлу, который начал было складываться в сентябре 1905 г., опять заглох?

Правда, не надолго. Петербургские рабочие уже оправились от ударов последней реакции, движение начинает снова разрастаться, началась и энергичная работа по организации союза рабочих по металлу.

Робко, с недоверием, приступают закаленные политические борцы к новому делу. Им точно кажется, что в борьбе за свои повседневные интересы они забудут другую более важную работу, которая далеко не закончена. Цепи политического рабства не окончательно еще разбиты. И они боятся соблазнов экономической борьбы.

Но эти опасения напрасны. В борьбе можно рассчитывать только тогда на успех, когда позиции, взятые штурмом у врага, можно укрепить и сохранить за собой. И новому штурму предшествует упорная подготовительная работа, создание прочных организаций, как политических, так и экономических.

Могучий профессиональный союз, помогая рабочим в борьбе с вырождением, которое грозит им при условиях капиталистического производства, дисциплинируя и воспитывая их в борьбе с той или другой группой капиталистов, подготовляет их к борьбе с *классом* капиталистов и с *классовым* государством. Профессиональные организации развивают в пролетариате целый ряд способностей, которые ему нужны не в меньшей степени, чем уменье и решимость жертвовать собой.

Лишь в тесном единении с экономической борьбой, может политическая борьба воспитать пролетариат, который не только добьется *победы*, но и *использует ее*.

Обладая и теперь уже развитым классовым сознанием, петербургские рабочие по металлу сумеют подчинить как экономическую, так и политическую борьбу своей главной задаче—освобождению рабочего класса. И чем сильнее они будут вести борьбу за уничтожение социального рабства, за создание общественного строя, при котором рабочая сила человека не будет продаваться, как товар, тем легче им будет бороться с опасностями, которыми всегда чревата односторонняя борьба за улучшение условий, на которых продается рабочая сила в существующем строе.

Политическая борьба, профессиональная организация, развитие классового сознания—там, где эти главные задачи рабочего движения осуществляются в одинаковой степени, нет места ни для «трезвенных» профессионалистов, ни для политических фантазеров, там создаются кадры великой пролетарской армии, которой суждено завоевать весь мир и сделать его из юдоли плача и страданий земным раем.

ЛОКАУТЫ и ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ [1]).

ЧИ
Ч653

В борьбе классов нет места чувствительности, она не знает ни сожаления, ни сострадания. Найти самое слабое место у своего врага и нанести ему заранее подготовленный, но неожиданный для него удар—только таким образом обеспечивается успех в промышленной войне, как она ведется в капиталистическом обществе. И точно также ведется борьба между капиталистами и рабочими союзами предпринимателей и профессиональными союзами.

В конечном счете прибыль предпринимателя, капиталиста, определяется, как известно, нормой прибавочной стоимости, степенью эксплоатации рабочего, размерами прибавочного труда, который капиталисту удается получить от рабочего. Об'единяясь в профессиональный союз, противопоставляя воле капиталистов коллективную волю сотен и тысяч, рабочие уменьшают силу давления капиталистического пресса, выжимающего из них прибавочный труд. Главным орудием их борьбы является *стачка*. Бросая единовременно работу, поворачиваясь спиной к капиталисту, они ему показывают, что без живого труда, его орудия труда и сырые материалы, его орудия производства, не могут дать ему ни атома прибавочной стоимости, что он может получить прибыль только в том случае, когда он соглашается оплачивать рабочую силу по установленной цене и поставить ее в определенные условия труда. Хорошо подготовленная и удачно проведенная, она заставляет капиталиста пожертвовать частью прибавочной стоимости, если он не хочет, чтобы капитал его остался неоплодотворенным. Стачка ставит себе целью не уничтожение эксплоатации, а уменьшение ее. Причинение материального ущерба капиталистам достигается только побочной целью. Рабочие особенно упорно добиваются от капиталистов признания их права на организацию, потому что профессиональный союз избавляет их от необходимости слишком часто пускать в ход такое обоюдоострое средство, как стачку. Рабочие только пользуются своим правом продавать свою рабочую силу на наиболее выгодных для себя условиях.

Но в таком же положении находятся и капиталисты. Они также пользуются своим правом эксплоатировать рабочую силу

---

[1]) „Проф. Вестник" 1907, № 3.

за известное вознаграждение. Пусть представители «науки» определяют «справедливые требования» рабочих—капиталистам до этого нет дела. Они знают, что размеры их прибыли, при прочих равных условиях, прямо пропорциональны раз'единенности и беззащитности рабочих. Они прекрасно понимают, что главная задача всякого профессионального союза сдерживать и *сокращать* их не менее «справедливые» притязания на вполне (приличную) прибыль. Наличность профессионального союза является для них вечной угрозой капиталистическому благополучию. И при первом удобном случае они стараются разрушить ненавистный им оплот против их эксплоатации. Главным орудием их борьбы является *локаут*. Перед носом рабочих захлопываются неожиданно двери фабрики, завода или мастерской. Они лишний раз убеждаются, что в капиталистическом обществе они могут купить себе право на жизнь только в том случае, когда им удается продать капиталистам право на эксплоатацию их рабочей силы. Главной целью локаута является уничтожение профессиональной организации рабочих. Причинение возможно большей массы страданий рабочему люду, обречение его на голодную смерть составляет необходимую принадлежность локаута. Капиталисты беспощадно хлещут рабочих скорпионами голода, чтобы превратить их опять в покорных рабов капитала. И кто может отказать им в праве, при сохранении капитализма, пользоваться своим капиталом, как им угодно?

Такова неумолимая логика классовой борьбы. Конечно, это жестоко. И нравственное чувство справедливо возмущается, когда стачку и локаут отождествляют, как средства борьбы, когда забывают, что они одинаково правомерны только формально, с чисто юридической точки зрения. В то время, как рабочие вступают в борьбу, чтобы избавиться от гнетущей нужды, капиталисты об'являют локаут, чтобы увеличить и без того огромные прибыли. Если первые, путем стачки, отстаивают свое человеческое достоинство, то вторые, путем локаута, стараются убить пробуждающееся самосознание рабочих, превратить их в бессловесных животных. В своей борьбе рабочие жертвуют своим здоровьем, своими силами, капиталисты—частью награбленной у тех же рабочих добычи. На одной стороне—солидарность, пробуждение лучших человеческих чувств, на другой—холодная жестокость и гнусная жадность.

К сожалению, все это может нам об'яснить, почему во время локаута симпатии, так называемого, «общественного мнения» склоняются иногда на сторону выброшенных на улицу рабочих. Но не больше. Для борьбы с локаутами этого мало. Нужны другие, более сильные средства, тем паче, что в наше время, когда классовые противоречия с каждым днем все обостряются, «общество» становится все более равнодушным к страданиям рабочих масс. Рабочему классу приходится рассчитывать только на самого себя.

Чем больше производство сосредоточивается в немногих руках, чем сильнее идет процесс концентрации и централизации ка-

питалов, чем быстрее крупная промышленность захватывает все новые отрасли производства, тем чаще применяются и будут применяться локауты. Если в период расцвета они для капиталистов так же мало выгодны, как наступательные стачки для рабочих во время кризиса, то, с организацией союзов предпринимателей, они начинают применяться против профессиональных союзов в тот момент промышленного цикла, когда производство идет полным ходом. Потерпев поражение в борьбе с предпринимателями во время промышленного под'ема, профессиональные союзы будут еще бессильнее в период кризиса. Таким образом, конфликты между ними и союзами предпринимателей учащаются и принимают все более крупные размеры. Стачка, направленная против отдельного капиталиста, все больше теряет свое значение, когда на нее отвечают локаутом во всех однородных предприятиях. Всякий мелкий конфликт может всегда разростись в грандиозную борьбу независимо от желания или нежелания профессиональных союзов.

Слабый профессиональный союз совершенно бессилен против локаутов. Чем меньше процент организованных рабочих, входящих в данный союз, тем скорее он должен уступить натиску хозяев. Не подготовленный к всеобщей стачке в данном производстве, он бессилен против угрозы общим локаутом. Вот почему *непрестанное расширение профессиональных союзов, рост числа их членов до максимального предела, достижимого при особых условиях организации в данной профессии*—а для каждого из них существует различная норма насыщения—является для профессиональных союзов вопросом жизни и смерти. В этом отношении им на помощь приходят сами предприниматели. Несмотря на временные поражения, которые терпят профессиональные союзы, локауты дают громадный стимул делу профессионального об'единения, они расшевеливают самые отсталые слои рабочих, они толкают в ряды профессиональных союзов наиболее пассивные элементы.

Но количественный рост профессиональных союзов далеко еще недостаточен.

Необходим качественный рост. *Рядом с расширением организации должно итти и укрепление ее.* А это можно достигнуть только рациональным финансовым хозяйством. По самому существу своему—боевая организация, профессиональный союз должен иметь готовый *военный фонд*, который помог бы ему устоять против штурма предпринимателей. Всякое увлечение в сторону взаимопомощи может тяжело отразиться на всей деятельности союза.

Имея дело с врагом, не знающим ни колебания, ни жалости, профессиональный союз должен также заботиться о целесообразной *организации*. Единой воле капиталистов должна быть противопоставлена единая воля рабочих. Только тесно сплоченный, строго централизованный профессиональный союз, в котором все части сливаются в одно целое, может бороться с надеждой на успех. Всякое раз'единение усиливает шансы поражения.

Но мало еще добиться централизации в профессиональных союзах отдельных местностей. Предприниматели об'единяются самыми различными путями. На-ряду с об'единением отдельных предприятий в акционерные компании, акционерных компаний в национальные тресты или синдикаты, с созданием новых колоссальных капиталистических предприятий с тысячами и десятками тысяч рабочих, совешается не менее опасное для профессиональных союзов национальное об'единение предпринимателей в специальные союзы для борьбы с рабочими организациями. Такому строго централизованному союзу предпринимателей с общим правлением—может противостоять только такой же строго централизованный профессиональный союз, охватывающий рабочих данной профессии по всей стране. Таким образом, борьба против *локализма*, против местной обособленности, против тенденции замыкаться в круге местных, приходских интересов, составляет уже теперь одну из насущных задач нашего молодого профессионального движения. С самого начала приходится вести энергичную пропаганду в пользу широкого профессионального об'единения, не знающего ни местных, ни национальных границ. Там, где лодзинские фабриканты уже заключают союз с московскими и петербургскими, местные профессиональные союзы рабочих г. Петербурга, г. Москвы, г. Лодзи, являются слишком хрупким орудием в профессиональной борьбе. Еще менее целесообразной является политика раздробления профессиональных союзов по различным национальностям или социалистическим партиям.

Локауты предпринимателей ставят пред профессиональными союзами еще и другую важную организационную задачу. Как бы ни шла успешно профессиональная организация в той или другой профессии, все-таки профессиональный союз, охватывающий рабочих только одной маленькой профессии, цеховый союз никогда не может вырости в настоящую силу. С развитием крупной промышленности, производство все более усложняется, растет число, так называемых, комбинированных предприятий, дающих занятия представителям самых разнообразных профессий. Старый цеховый союз отживает свое время, и все больше усиливается стремление организовать *союзы по производству*. Новая тактика предпринимателей заставляет профессиональные союзы, под страхом смерти, изменять свою организацию. И даже в такой классической стране всяких местных и узко-цеховых профессиональных союзов, как Франция, все больше усиливается тенденция об'единить родственные местные союзы в национальные и заменить цеховые союзы *союзами по производству, индустриальными*.

Мало того. Капиталистический процесс производства уничтожает всякую разницу между квалифицированными и неквалифицированными рабочими, а привилегированных слуг капитала—инженеров, химиков, техников и т. п.—он все больше превращает в простых наемных рабочих. Пролетарские профессиональные

союзы должны отрешиться от всяких предубеждений против «интеллигентских» профессий, они должны втянуть в сферу своего влияния, организующиеся профессиональные союзы таких представителей «высшего» труда. Только войдя в ряды пролетарской армии, они перестанут оказывать услуги всемогущему капиталу, они не будут,—как это показывают примеры из истории локаутов в металлообрабатывающей и электрической промышленности,—увеличивать ряды штрейкбрехеров.

Капитализм не знает национальных границ. Иностранные капиталы, хлынувшие в самобытную Россию без всякого свидетельства о рождении, на самом деле являются «капитализированною кровью» европейских рабочих. Лодзинский локаут был бы немыслим без содействия германских капиталистов. И, наоборот, датские рабочие могли устоять против локаута предпринимателей (в 1899 г.), только благодаря помощи международного пролетариата. Неудивительно поэтому, что именно локауты усиливают стремление к *международному профессиональному об'единению*, что установление тесных связей с профессиональными союзами других стран является одной из насущных задач нашего профессионального движения.

Мы видели уже, что локауты, направленные, главным образом, против профессиональных союзов, даже в том случае, если они кончаются поражением рабочих, представляют одно из самых могучих средств пропаганды в пользу необходимости профессиональной организации. Но они влекут за собой и другой неожиданный результат. Если уже кризисы показывают, к чему приводит частная собственность на орудия производства, то локауты еще нагляднее демонстрируют все прелести капиталистического строя. Кризисы, превращающие всеобщую необеспеченность в нормальное состояние общества, являются неизбежным результатом об'ективных законов капитализма, независимых от произвола того или другого капиталиста. Они являются одинаковой неожиданностью как для капиталистов, так и для рабочих, так и для всего общества. Капиталисты сами являются игрушкой в руках неведомой им силы.

Совсем другое дело при локаутах. Вполне сознательно, с заранее обдуманным намерением, капиталисты выбрасывают на улицу тысячи и десятки тысяч рабочих, останавливают производство, разоряют мелких предпринимателей и торговцев, вносят анархию в весь процесс общественной жизни. Патентованные патриоты, они насылают на свою же родную страну разорение, голод и эпидемии. Нужна-ли еще более яркая иллюстрация всей нелепости общественного порядка, при котором производительные силы всего общества отдаются в бесконтрольное распоряжение маленькой кучки бессовестных хищников?.

И, ведя борьбу за улучшение условий труда в рамках этого строя, укрепляя свои профессиональные союзы, рабочие должны

в то же время развивать и свою классовую организацию. Только партия рабочего класса, овладев политической властью, положит конец обществу, в основе которого лежит продажа рабочей силы. Только ее победа, только переход средств производства в собственность всего общества, внесет планомерность в общественный процесс производства, где теперь властвуют слепые законы капиталистической конкуренции.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА[1]).

Избирательная кампания, в которой профессиональные союзы принимали такое деятельное участие, наконец, закончилась. Несмотря на уродливый избирательный закон 11-го декабря, несмотря на бесчисленные раз'яснения, сыпавшиеся из Сената и одно за другим устранявшие многочисленные категории избирателей, несмотря на военно-полевую юстицию и свирепые репрессии, направленные против печати—конфисковались и приостанавливались, между прочим, чуть не все профессиональные органы—несмотря на почти полное отсутствие собраний,—несмотря на все это, выборы дали Думу еще более непокорную, чем прежде; еще более левую Думу, в которой социалистические элементы заседают в таком количестве, как нигде в мире. Около ста правых, различных оттенков, от фарисействующих мирнообновленцев в роде Стаховича, вплоть до Пуришкевичей и Крушеванов, значительная ущербленная партия конституционалистов-демократов, плотно усевшаяся в центре, столь же значительно возросшая крайняя левая, охватывающая самые разнообразные элементы от трудовиков до социал-демократов—таков пестрый состав Думы. Нет ни одного сословия, ни одного класса, который не был бы представлен в Думе, который не имел бы выразителя своих интересов. Получил свое многочисленное представительство и рабочий класс. Чего же может ждать он от Думы, какие требования он должен пред'явить партии, которая готова будет взять на себя защиту их?

Конечно, Дума—безвластна. У нее нет не только всей полноты законодательной власти, но и частички ее. Она, в сущности, является только законосовещательным учреждением. Чтобы принятый ею закон стал действительным законом, он должен пройти еще в Государственном Совете, громадное большинство членов которого состоит из ставленников поместного и чиновного дворянства. И почтенные старцы, нашедшие себе приют в этом учреждении, после долгих лет службы на пользу «порядка», единодушно отвергнут всякий закон, если он, конечно, не удостоится в Думе одобрения Пуришкевичей и Крушеванов.

Но мало надежды, что законы, действительно удовлетворяющие требованиям рабочего класса, пройдут в Думе. И это просто в силу ее состава. Самой многочисленной партией является партия кадетов. Уже в первой Думе она показала, как мало ее деятельность имеет общего с «народной свободой». Начав умолчанием о всеобщем избирательном праве, она в целом ряде законопроек-

[1]) „Проф. Вестник", 1907, № 4—5.

тов о неприкосновенности личности, свободе печати, собраний и союзов—все больше и больше давала предпочтение интересам «порядка», а не интересам свободы. Говоря словами резолюции, принятой в прошлом году Ц. Б. петербургских профессиональных союзов, партия «народной свободы» сделала «попытку под видом заботы» о свободе союзов провести целый ряд новых ограничений в этом основном праве всех рабочих, которые «всею своею тяжестью падут именно на сельский и городской пролетариат» [1]). Ожидать, что в этом году, когда кадеты значительно поправели, они станут более чуткими к требованиям рабочего класса, было бы слишком наивно. И теперь уже воспоминание о «красной тряпке» приводит их в состояние полной политической невменяемости. Они все больше косятся направо, и, в своих стараниях примирить «порядок» и «свободу», они все больше жертвуют интересами народа. Немало придется потратить сил и энергии, чтобы заставить их вытравить из их законопроектов всякий привкус нагайки и каторги.

Но в Думе имеются представители и более крайних партий, защищающих интересы городского мещанства, среднего и мелкого крестьянства и рабочего класса. Здесь не место входить в подробный разбор программ всех этих партий. Некоторые из них вполне искренно готовы поддержать главные требования рабочего класса. Но, кроме социал-демократической, среди них нет ни одной, которая бы главным критерием своей деятельности считала именно *классовые* интересы рабочего класса. В большей или меньшей степени все остальные социалистические группы хотят одновременно защищать интересы крестьянства и пролетариата, в большей или меньшей степени собираются противодействовать слишком резкой партийной группировке в Думе. Тем самым они признают, что для них еще не ясен принцип, лежащий в основе всего современного рабочего движения—*принцип борьбы классов*, а следовательно, и принцип, отличающий *профессиональные союзы, стоящие на почве современного рабочего движения*. Раз в обществе классовая группировка принимает все более резкие формы, то стараться ослабить или смягчить ее отражение в политической жизни,—а таким отражением ее является партийная группировка в Думе,—значило бы только стараться затушевать борьбу классов, затемнить классовое самосознание рабочего класса. В этом робком признании чувствуется неуверенность в возможности слить обе общественные группы, которые, несмотря на целый ряд пунктов, об'единяющих их против общего врага, все-таки представляют полную противоположность друг другу.

С одной стороны собственники, хотя бы и приобретающие свою собственность личным трудом, трудовые собственники, с другой—пролетарии, лишенные всякой собственности, произво-

[1]) Резолюция была внесена мною.

дящие своим личным трудом чужую собственность, капиталистическую, или собственность мелкого хозяйчика. Профессиональные союзы, как организации *наемных* рабочих, особенно заинтересованы в том, чтобы в Думе находилась партия, вполне последовательно, до конца, без опасения растерять стоящие за ней силы, защищающая интересы именно рабочего класса. Партии, желающие защищать одновременно все интересы крестьянства и пролетариата, в конце концов, попадут в безвыходное положение: они должны будут отказаться от некоторых частей своей программы или потерять большую часть своих избирателей. Если еще можно ожидать солидарности между крайними левыми партиями в вопросах, которые касаются *городского* пролетариата, то в целом ряде других вопросов, где на первый план выдвинуты будут интересы *сельского* пролетариата, непременно скажется двойственность и шаткость политической позиции, занимаемой, так называемыми, народническими партиями. Решающее значение будет иметь опыт. Будущее покажет, как далеко согласны они будут итти в защите интересов рабочего класса. Во всяком случае, рабочая партия может надеяться, что она, в своей думской деятельности, встретит поддержку со стороны многих депутатов крайней левой. Как бы то ни было, для данного политического момента это обстоятельство является крупным благоприятным шансом, и не использовать его, было бы, конечно, нецелесообразно. С помощью этих демократических и социалистических элементов, она сможет заставить кадетов отказаться от своих «каторжных» законопроектов, если, конечно, защитники «народной свободы» не соединятся с правыми во всех тех случаях, когда необходимо будет провалить «крайние» требования тех, что прошли в Думу под знаком «красной тряпки». А всякий принятый Думой закон, отвечающий на запросы рабочего класса и всего народа, будет иметь громадное значение даже в том случае, если он будет отвергнут Государственным Советом. Он лишний раз подчеркнет бессилие Думы в области законодательной деятельности и даст лишний толчок тому вне-думскому движению, которое добивается создания единого законодательного учреждения. Но и отвергнутый в Думе закон так же сыграет свою роль в деле организации рабочих масс. С трибуны Госуд. Думы раздастся смелое слово представителей рабочего класса, которые развернут пред всем народом неприглядную картину российской действительности. которые энергично и решительно будут отстаивать интересы городского и сельского пролетариата и так же решительно будут протестовать против всякой попытки наложить на рабочий класс новые оковы, откуда бы эти попытки ни исходили—от кадетов или от правительства. И Дума, таким образом, явится новым орудием организации рабочего класса, новым средством сплочения рабочих масс. А, как и прежде, главным деятелем в деле всероссийского освобождения от всякого гнета является только рабочий класс.

вает «свободы» для пролетариата, тот завоевывает их для всего народа.

И в самом деле. Полная свобода союзов, без которой немыслимо нормальное развитие профессиональных союзов, предполагает полную демократизацию всего политического и общественного уклада [1]).

Она немыслима без законов, действительно обеспечивающих неприкосновенность личности всякого гражданина. Она предполагает полную свободу собраний и печати. Она невозможна без полного преобразования всего гражданского и уголовного законодательства, без полного преобразования всей юстиции. Она не может примириться с сохранением в гражданских и уголовных законах всяких статей, ограничивающих тем или иным путем право профессиональных союзов пользоваться всеми средствами, без которых они не могут осуществлять свои главные задачи.

Но полная свобода союзов осталась бы призрачным правом, если бы она не дополнялась правом участия рабочих во всей законодательной деятельности. А это возможно только при сосредоточении всей власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа. Власть народа может превратиться в свою собственную противоположность, если она не дополняется *полным самоуправлением в государстве, губернии, городе и селе*. Только при существовании *всеобщего, равного, прямого, тайного, активного и пассивного избирательного права, как при выборах в законодательное собрание, так и во все органы местного самоуправления*, каждый гражданин, а следовательно, и каждый рабочий сможет участвовать во всех функциях верховной государственной власти. Иначе маленькая кучка хищников может всегда свести на нет всю упорную работу профессиональных союзов, все усилия рабочих в борьбе за улучшение своего положения. Только тогда рабочие могут контролировать всю экономическую политику правительства и городских дум, приводящую к вздорожанию цен на все предметы необходимости и обостряющую жилищную нужду рабочего класса, только тогда могут они бороться с их финансовой политикой, ставящей себе целью всю тяжесть содержания классового государства,—администрации, полиции и войска—взвалить на плечи тех самых тружеников, против которых направлен весь этот принудительный аппарат. И только при этом условии можно добиваться, чтобы и другое основное требование рабочих не оставалось на бумаге. Мы говорим о *действительной и широкой законодательной охране труда рабочих*.

В капиталистическом обществе процесс труда является в то

---

[1]) См. ответ Ц. Б. петербургских профессиональных союзов на обращение рабочей группы в первой Государственной Думе, напечатанный в „Профессиональном Союзе" № 20—21, стр. 31, 33. (Написан мною, перепечатан в приложении).

же время и процессом эксплоатации рабочей силы человека. Даже, когда он совершается при нормальных для капитализма условиях, он все-таки сопровождается очень неблагоприятными последствиями для здоровья рабочего. Он сокращает его жизнь, он делает его жертвой профессиональных болезней, несчастных случаев, он заставляет его превращать ночь в день, день в ночь. В погоне за прибылью капиталисты стараются освободиться от всех лишних «издержек производства» и взваливают их на тех же рабочих. Только концентрированная сила всего общества, только принуждение может заставить их ввести свою эксплоатацию в «нормальные пределы». Пользуясь свободой организации, авангард рабочего класса вынуждает издание целого ряда законов, ограждающих жизнь и здоровье всех рабочих, и ставит проведение этих законов в жизнь под контроль профессиональных союзов. Таковы законы об ограничении рабочего дня всех рабочих, по крайней мере, 8-ю часами, о нормировке женского и детского труда, о работе в особенно вредных для здоровья производствах, страхование рабочих от несчастных случаев, страхование на случай болезни, старости и неспособности к труду, обеспечение вдов и сирот и т. д.

Рабочие также вправе требовать, чтобы общество не взваливало только на них ответственность за все бедствия безработицы, этого страшного бича капиталистического строя. Считая 8-часовой рабочий день одним из наиболее действительных средств борьбы с безработицей, профессиональные союзы в то же время ставят на очередь и другие формы обеспечения рабочих не от безработицы, а от ее жестоких последствий, формы, при которых часть издержек должна обязательно падать на государство.

Таковы в главных чертах основные требования, защиты которых, в рамках капиталистического общества, ждут от своих представителей рабочие вообще, профессиональные союзы в частности.

III.

Мы говорили до сих пор о том, что может дать Дума при своей законодательной компетенции и при ее современном партийном составе, чего должны требовать профессиональные союзы от партии рабочего класса. Но мы еще не коснулись вопроса о том, что должны сделать профессиональные союзы, в чем может выразиться их участие во всей той деятельности, которая связана с работой в Думе, которая развернется вне Думы.

Профессиональные союзы прежде всего должны позаботиться о собирании всего материала, который может пригодиться для выяснения положения и нужд рабочего класса. Нужно сконцентрировать все сведения о том, как применялись указ 2 декабря 1905 г. о стачках и временные правила 4 марта о свободе союзов и собраний. Необходимо собрать все материалы об администра-

тивных репрессиях, которые были направлены против профессиональных союзов. Необходимо регистрировать все стачки, в ходе которых правительство открыто становилось на сторону капиталистов или натравляло на забастовщиков всяких черносотенцев. Должны быть сгруппированы все сведения о тех локаутах, во время которых правительство опять-таки принимало сторону капиталистов и преднамеренно увеличивало страдания выброшенных на улицу рабочих, закрывая систематически казенные заводы.

Профессиональные союзы должны поторопиться производством статистических анкет, которые позволили бы рабочей партии точно и подробно выяснить положение рабочего класса во всех его проявлениях. Они должны подготовиться к той роли, которая им предстоит в будущем, как главным органам текущей и периодической регистрации всех сторон жизни рабочего класса.

Статистика стачек и локаутов, статистика безработных, статистика заработной платы и продолжительности рабочего дня, статистика цен на главные предметы необходимости и квартиры— все эти сведения дадут прочную точку опоры и самим профессиональным союзам, и рабочей партии при борьбе с ростовщическим повышением цен на все предметы необходимости, с безработицей и т. д. и т. д.

Профессиональные союзы должны поставить на очередь обсуждение всех главных вопросов рабочего законодательства, как в их общем значении, так и со стороны тех специальных условий, в которых находятся отдельные профессии. Аргументам предпринимателей и их «ученых» защитников должны быть противопоставлены аргументы, основанные на точном изучении всех фактов жизни данной рабочей группы и отрасли производства, в которой они заняты. Профессиональные союзы должны внимательно следить за правительственной деятельностью в области рабочего законодательства, подвергать обстоятельному разбору всякие правительственные мероприятия и выносить по этому поводу определенные решения. Они должны разработать главные основы профессионального права, чтобы при предстоящем пересмотре всего нашего гражданского и уголовного законодательства, доставить представителям рабочей партии весь необходимый материал.

Таким образом, оставаясь в круге своих задач, не беря на себя, как во время избирательной кампании, тех функций, которые должны выполнять классовые и политические организации рабочего класса, профессиональные союзы войдут в тесные сношения с представителями партий рабочего класса в Думе. Такая связь установится сама собой не путем механического соединения, грозящего расколом в среде профессиональных союзов, а в процессе постоянного взаимодействия, совместной работы на пользу всего рабочего класса.

Стараясь использовать самым интенсивным образом период

политического оживления, наступающий с созывом новой Думы, развивая и укрепляя свою внутреннюю организацию, как они это сделали в период первой Думы, они выполнят в то же время и крупную политическую задачу. Воздвигая камень за камнем классовую организацию пролетариата, ставящую себе главной целью охрану рабочих от вырождения ,укрепляя свою классовую экономическую организацию, они усиливают силу сопротивления рабочего класса. В борьбе важно не только победить, но и закрепить за собой плоды победы. И в этом отношении могучие профессиональные союзы, идущие рука об руку с политическими классовыми организациями рабочего класса, являются в высшей степени важным фактором. К авангарду рабочего класса, всегда готовому вести борьбу с классовым государством, присоединяются огромные рабочие массы, готовые поддержать передовых бойцов. Без их поддержки бесплодны все усилия передовых бойцов рабочего класса, без них нельзя удержать за собой позиции, отвоеванные у врага.

И посылая горячий привет представителям рабочего класса в Госуд. Думе, мы кончаем словами, с которыми петербургские профессиональные союзы еще в прошлом году обратились к членам рабочей группы:

«Исполняйте же свой долг—и вы будете иметь за собой и политические организации рабочих и их профессиональные организации.

Нам всем предстоит еще тяжелая борьба, она потребует еще много жертв, но поддержкой нам будет служить уверенность, что мы приблизим день, когда Россия освободится от политического рабства и рабочие всей России вместе с пролетариатом всего мира сбросят с себя, наконец, и цепи социального рабства, когда положен будет конец эксплоатации человека человеком!».

СТРАХОВАНИЕ РАБОЧИХ или СТРАХОВАНИЕ КАПИТАЛИСТОВ? [1]).

Если бы еще нужно было доказывать, что все рабочие и так называемое «Социальное законодательство» является продуктом развивающегося рабочего движения, что оно тем более служит интересам рабочих, чем настойчивее последние пред'являют свои классовые требования, чем сплоченнее и сильнее их классовая организация, то трудно представить себе более яркое и решительное доказательство, чем история русских законопроектов по страхованию рабочих в течение последних пяти лет.

Каждый новый взрыв рабочего движения давал толчок законодательному «творчеству» наших законодателей: назначалась немедленно правительственная комиссия, приглашались более или менее сомнительные «корифеи науки», спешно и полубезграмотно переводились на канцелярский язык подходящие немецкие или австрийские законы. Чем хуже они были, тем лучше они подходили для «самобытной» России. На подмогу являлись представители «заинтересованных ведомств», т. е. всероссийской охранки и делегаты различных торгово-промышленных организаций—Глезмеры и Вольские. И, тщательно отгородившись от, конечно, нисколько не «заинтересованных» представителей рабочего класса, комиссия приступила к выработке законопроектов.

А это дело огромное, которое просто, по «мужицки» или «дурацки», сделать нельзя. Конечно, требования, которые пред'являются, вполне «справедливы», но они ведь должны быть воплощены не в какой-нибудь белой Арапии, а в данной конкретной социально-политической обстановке, в данное время и в данных условиях. Настоящее связано с прошлым и чревато будущим. На почве вновь вводимых норм возникают новые, более сложные отношения, которые так или иначе должны быть регулированы. Мало того. Необходимо сопоставить их с существующим законодательством, приходится —смотри у Петражицкого и Муромцева— затратить невероятное количество «психической энергии», чтобы формулировать необходимое изменение в этом законодательстве. Только невежественные люди могут воображать, что существующие законы можно просто взять, да и—с бацу!—отменить! Нет. Выработка законопроекта требует всегда огромной затраты труда, и жаловаться на медленность законодательной ра-

[1]) „Социалдемократ“ № 2—3, февраль 1909 г. Статья была написана по предложению редакции (Ленина и Зиновьева), как руководящая в связи с кампанией профсоюзов по поводу законопроектов о страховании.

боты правительственных и парламентских комиссий могут только люди, не имеющие представления о том, что такое законопроект.

Но пока комиссия «соображает», «сопоставляет» и «формулирует», пока «корифеи науки» и «просвещенные юристы» в поте лица своего занимаются «социал-реформаторской» деятельностью, «заинтересованные ведомства» занимаются упрочением «порядка». И если в революционном движении произошла заминка, если прилив рабочего движения заменился отливом, то законопроект,—если он к тому времени готов,—поступает на «исправление» в ту же или новую комиссию. Профессор Икс сменяется профессором Игреком, вместо одних чиновников назначаются другие, и вновь начинается—благо социально-политическая обстановка изменилась—все та же огромная работа «сопоставления» и «формулирования», пока не вырабатывается, наконец, законопроек—обстоятельный, детальный, все предусматривающий, все регулирующий—в сотне, другой параграфов которого благополучно возрождается *фактически* отмененное «положительное законодательство».

Вся эта законодательная комедия проделана была при выработке правил 4-го марта о собраниях и союзах и повторяется теперь в области законодательства о страховании. Так, составленные еще под свежим впечатлением событий 1905 года законопроекты, в марте 1906 года, подвергнуты были переработке в особом совещании под председательством бывшего министра торговли и промышленности, а теперь издателя «Слова», Федорова. После роспуска первой Думы, они поступили на «рассмотрение» нового совещания (в декабре 1906 года и феврале 07 г.) под председательством Философова. С роспуском второй Думы «социально-политическая обстановка» вновь изменилась. Опять начали «соображать», «сопоставлять» и «формулировать», и, наконец, в июне 1908 года, перед самым концом первой сессии 3-ей Думы, новые законопроекты получили такой вид, что могли надеяться на одобрение даже октябристской Думы.

II.

Средством борьбы против всех случаев потери трудоспособности может служить, в известных пределах, *государственное страхование рабочих*. Его главной задачей является *обеспечение рабочего* и его семьи *во всех случаях* потери трудоспособности. Именно поэтому нельзя отделять один вид страхования от другого. Страхование на случай болезни, а для работниц—на случай беременности, материнства; страхование от несчастных случаев и профессиональных болезней; страхование на случай инвалидности, старости, страхование вдов и сирот,—все эти виды страхования должны быть связаны воедино, чтобы воплотить в жизни такое требование, как обеспечение рабочего и его семьи во всех случаях утраты трудоспособности.

Но чтобы это страхование не превращалось в пародию, чтобы оно не сводилось к уменьшению и без того недостаточного заработка, все расходы по страхованию рабочих должны падать на предпринимателей и государство. Всякие вычеты из заработной платы, если они идут не на улучшение условий продажи рабочей силы или страхование заработной платы от понижения, ухудшают положение рабочего, они понижают его жизненный уровень, ослабляют его организм в борьбе с теми влияниями, которые неблагоприятно отражаются на его трудоспособности. Мало того. Обрушилась ли на рабочего болезнь, сделался ли он жертвой несчастного случая, выбила ли его из рядов рабочей армии профессиональная болезнь или преждевременная старость—он сохраняет право на *весь свой заработок*. Это—минимум того, что должен получать в таких случаях рабочий. Иначе государственное страхование ничем не отличается от жалкой благотворительности, *от общественного призрения*, заменой которого оно так часто является.

Как бы ни было удовлетворительно поставлено страхование рабочих *с материальной* стороны, оно превращается в орудие порабощения, закабаление и развращение рабочих масс, в средство опутать их сетями хозяйской или бюрократической опеки, если страховой фонд находится не в заведывании самих застрахованных рабочих, если регулирование всей деятельности страховых касс находится в руках предпринимателей или чиновников. Без полного самоуправления страхуемых, государственное страхование накладывает на рабочих новое ярмо. И наоборот. Самостоятельное заведывание всем страховым делом дает рабочим возможность устранить многочисленные недостатки в организации страхования. Все хорошее, что имеется в практике немецкого страхования, создано самими рабочими, несмотря на вопиющие недостатки германского законодательства, и только самоуправление позволило им превратить бисмарковские законы, направленные против самостоятельности рабочего класса, против «разрушительных стремлений» социал-демократии, в новое орудие для развития организации и самодеятельности рабочего класса. Поэтому, главные стрелы новых реформаторов в области страхования направлены преимущественно против самоуправления застрахованных лиц. И чтобы заставить рабочих отказаться от этого принципа, предприниматели готовы даже увеличить свои «материальные жертвы».

Такой же необходимостью, как полное самоуправление застрахованных рабочих, является *единство* всей страховой организации. Не говоря уже о том, что такое единство сильно сокращает все административные и организационные работы, оно устраняет ненужную путаницу и осложнения, которые неизбежны при разделении всей страховой организации на отдельные, не связанные друг с другом учреждения, и от которых прежде всего и больше всего страдает рабочий.

Это требование настолько ясно, что даже немецкие профессора и немецкие чиновники считают его теперь аксиомой. Так, Посадовский (2 марта 1905 г.) заявил в рейхстаге: «если бы пришлось теперь наново создавать страхование рабочих, то ни один разумный человек не подумал бы о том, чтобы создавать особую организацию для страхования на случай болезни, другую организацию для страхования от несчастных случаев и, наконец, третью для страхования на случай инвалидности и старости». А 3-го ноября 1908 года, австрийское правительство внесло в рейхсрат законопроект о социальном страховании, в основу которого положен принцип единства страховой организации.

Итак: 1) распространение страхования на все категории наемных рабочих; 2) возмещение всего заработка во всех случаях потери трудоспособности; 3) возложение всех расходов по страхованию на предпринимателей и государство; 4) полное и неограниченное самоуправление страхуемых лиц и единство страховой организации—вот те минимальные требования, которые должны быть осуществлены, если даже мы отделим от страхования во всех случаях *утраты трудоспособности* страхование на *случай безработицы*, на случай утраты возможности продать рабочую силу [1]).

Как же поступили наши законодатели? Настолько они сумели воплотить требования, выставленные рабочими, в своих законопроектах? Ведь перед ними, как они сами говорят, был «практический опыт стран, где страхование получило наиболее широкое развитие», т.-е. Германии и Австрии. Мы видим уже, что этот опыт показывает недостаточность помощи, доставляемой страхованием, и неудовлетворительность его организации; что необходимость его коренной реформы сознана и чиновниками, и профессорами, что все дело страхования находится теперь накануне такой реформы. Можно было бы ожидать, что наши ликурги постараются использовать этот опыт и, при воплощении этих требований в русскую жизнь, поставят себе задачей избежать недостатков, которые портят новое дело в самом его корне.

Но так могут думать только люди, которые забывают, что всякое государство есть орган классового господства; что всякое правительство есть только исполнительный комитет господствующих классов; что, поскольку речь идет о трудящихся массах, борьба господствующих классов между собой всегда идет за счет эксплоатируемых. Юристы, стоящие на службе у буржуазии, не краснобаи. Защиту интересов рабочего класса они предоставляют его адвокатам, и могут только радоваться, если среди его юристов находят людей, которые привыкли считаться не только с требованиями рабочих, но и с «условиями» воплощения этих

---

[1]) Требований, безработных СПБ. Ц. Б. профес. союз., автор, в момент работы над этой статьей, в своем распоряжении еще не имел.

Ред.

требований в жизнь в данной социально-политической обстановке, которые становятся на «правовую почву» и хорошо понимают значение «юридической преемственности».

Рабочий класс обнаруживает «сознательность» и неумеренную «притязательность». Он выставляет чрезмерные требования. Отказать в их удовлетворении нет никакой возможности. И на помощь является законопроект.

Если рабочие крупной промышленности, как это было еще до 1905 г., *фактически* добиваются сокращения рабочего дня, если их «чрезмерные» требования должны быть так или иначе удовлетворены, на сцену является закон 2-го июня 1897 г., который не только выставляет это требование, но и разрабатывает условия воплощения этого требования в жизнь в данной социально-политической обстановке. В результате, *фактические* отношения получают *юридическую* формулировку, которая отнимает у рабочих большую часть их завоеваний. Если рабочие крупной промышленности начали *на практике* довольно успешно бороться за полное переложение профессионального риска на фабрикантов, если их «сознательности» и «притязательности» удалось вырвать у предпринимателей целый ряд уступок в области вознаграждения за увечья, то на сцену является закон 2-го июня 1903 г., который так удачно разрабатывает условия воплощений «чрезмерных» требований в жизни, что лишает рабочих права на целую треть вознаграждения ,признававшегося за ними гражданским уложением, и делает их беззащитными жертвами адвокатов-увечников. Если рабочие *фактически* завоевали себе право союзов и собраний, то на сцену является правило 4-го марта 1906 г., которое так удачно разрабатывает условия воплощения этого требования в жизнь, что правила о свободе союзов и собраний превращаются в закон о запрещении союзов и собраний. И всегда находятся умники, которые, сопоставив эти новые законы с «существующим законодательством», открывают в них, как Прокопович, в законе 2-го июня 1903 г., «кое-что», или «существенный шаг вперед», или «признание принципа».

По такому же рецепту составлены новые законопроекты. Если уж так или иначе приходится признать данные требования рабочих, если обещание удовлетворить их, несколько уже раз дано было «с высоты престола», то остается только, сопоставив это требование с «существующим законодательством», дать новое имя старым законам и постараться, елико возможно под прикрытием нового флага, отнять у рабочих и то, чего уже давно они добились и что за ними закреплено даже действующими законами. Таким путем, законопроекты по страхованию рабочих благополучно превращаются в законопроекты по страхованию предпринимателей от всех убытков, возлагаемых на них обязанностью лечить рабочих и вознаграждать их во всех случаях потери трудоспособности.

«Обещанный» три года тому назад законопроект страхования на случай инвалидности и старости все еще «разрабатывается». При сопоставлении этого требования с существующим законодательством оказалось, что соответственного закона нет. И если огромной траты труда требует одна только формулировка изменений в действующих законах, то кольми паче, приходится поработать над формулировкой совершенно нового закона. Кто доживет—увидит!

III.

Пока представлен только законопроект о страховании от несчастных случаев и на случай болезни. Первый из них должен заменить закон 2-го июня 1903 года., второй—раз навсегда покончить со 102 статьей Устава о промышленности (закон 1866 года), возлагающей на фабрикантов обязанность обеспечить рабочим врачебную помощь и запрещающей взимание за это платы.

Получат ли рабочие что-нибудь новое по этим законопроектам? Рассмотрим сначала законопроект о страховании от несчастных случаев.

Норма о вознаграждении увечных рабочих остается без изменения. Кража одной трети заработка, совершаемая по закону 2-го июня 1903 года, будет совершаться и дальше. При определении нормы оплаты увечному и пособий семье, авторы законопроекта просто переписали соответственную статью старого закона.

Мы не будем перечислять все статьи нового законопроекта, чтобы доказать, что авторы его, почти целиком, скопировали старый закон. У нас имеется вполне компетентное свидетельство органа Советов с'ездов представителей промышленности и торговли.

«Проект по страхованию рабочих от несчастных случаев не представляет собой какого либо новшества. По содержанию своему, в главных чертах, это тот же старый закон 2-го июня 1903 года, с некоторыми только изменениями» [1]).

Прислужник российских капиталистов скромно умалчивает о некоторых «поправках» к старому закону. Так, законопроект предлагает лишить всякого вознаграждения увечных при утрате ими не более 5 проц. трудоспособности. Не трудно себе представить, какое широкое поле откроется деятельности врачей и юристов, когда придется отстаивать интересы фабрикантов и заводчиков? Московским Гужонам и Крестовниковым и этого мало: они хотят себя избавить от расходов и в тех случаях, когда потеря трудоспособности не превышает 10 проц.

Законопроект дает предпринимателям еще один подарок. Если по закону 2-го июня 1903 года, пособие выдавалось в течении времени из хозяйского кармана, то новый законопроект де-

---

[1]) „Промышленность и торговля“, № 13, стр. 18.

лает шаг «вперед»: вплоть до тринадцатой недели возлагает расходы на больничные кассы, т.-е. на самих рабочих.

О том, что рабочему следует вознаграждение и в том случае, если потеря трудоспособности вызвана профессиональною болезнью, законопроект молчит,—хотя авторы его могли бы узнать из внесенного в ту же Думу законопроекта министерства финансов о вознаграждении рабочих и служащих в предприятиях финансового ведомства,—что между несчастным случаем и профессиональною болезнию нельзя провести резкой границы.

Главное отличие нового закона состоит в том, что предприниматели обязательно организуются в страховые товарищества, а пострадавший рабочий будет иметь дело не с отдельным хозяином, который может обанкротиться и оказаться неплатежеспособным, а со всеми предпринимателями в данной отрасли промышленности. Это «шаг вперед», могут сказать, так как с образованием страховых товариществ пенсии вполне обеспечены.

Но к управлению делами этих страховых товариществ рабочие не допускаются, в них владыка—хозяйская рука. Если прежде рабочему приходилось иметь дело с агентом частного товарищества, то теперь ему приходится иметь дело с агентом страхового общества. Если прежде он мог делать выбор между различными предпринимателями в зависимости от предоставляемого ими вознаграждения в случае несчастья, то теперь перед ним единая предпринимательская организация, в которой уничтожена всякая конкуренция между отдельными заводчиками и фабрикантами. И новый законопроект уже заранее отдает в руки предпринимательских агентов и врачей всю процедуру, посредством которой удостоверяются обстоятельства несчастного случая. И если вспомнить, что право на обеспечение возникает только вследствие несчастья, *постигшего рабочего при осуществлении своих профессиональных обязанностей*, в качестве рабочего *того предприятия, в котором он был занят*, то не трудно понять, что агент страхового товарищества или полиция постараются, при составлении протокола, доказать, что пострадавший рабочий потерпел увечье не при исполнении служебных обязанностей. Мало того. Взвалив, как мы видели, на больничные кассы содержание увечных в течение первых тринадцати недель, законопроект оставляет их в руках врачей страховых товариществ. Отказ от «бесплатной» врачебной помощи влечет для увечного полную или частичную потерю вознаграждения. Чем больше удается врачу стянуть на определении процента утраты трудоспособности, тем меньше должно заплатить страховое товарищество [1]). Ведь назначение пенсии зависит от товарищества, и если бы рабочий, желающий изба-

[1]) По данным Российского Взаимного Страхового Союза, случаи, сопровождавшиеся потерей не более 20% трудоспособности, составили от 75 до 78 пр. общего числа несчастных случаев, а из данных Варшавского Общест. Взаимн. Страхования видно, что такие случаи поглощают свыше

виться от волокиты, которая, как показывает германская практика, царит в этих предпринимательских учреждениях, обратился бы в суд, он лишился бы права на судебные издержки. Хочешь не хочешь, а в петлю полезай! Вся эта организация ставит себе целью «ущербить ренту» рабочего, а сам он становится жертвой об'ективного исследования страховых врачей, которые своимъ бессердечным и подозрительным отношением к увечным, зачастую доводят их до полного нервного расстройства и даже сумасшествия.

Как и по закону 2-го июня 1903 года, огромная масса сельско-хозяйственных рабочих оставляется на произвол землевладельцев, и принявшая у нас колоссальные размеры эпидемия травматических повреждений будет свирепствовать и дальше, превращая ежегодно в калек и инвалидов десятки тысяч людей. Круг страхуемых ст несчастных случаев рабочих расширяется включением рабочих железнодорожных, судоходных (но только по внутренним водам) и трамвайных, но раз'яснение, в силу которого действию нового закона будут подчиняться только те предприятия, в которых *при числе постоянно занятых рабочих не менее двадцати* применяются паровые котлы или машины, а равно те, в которых хотя и не применяются машины, но число постоянно занятых рабочих *не менее 30-ти*, не только исключает всех ремесленников, но и рабочих, занятых в огромном большинстве средних и мелких заведений фабрично-заводской промышленности ит. д. [1]).

Мы не будем останавливаться подробно на других статьях законопроекта. Из сказанного ясно, что, если в нем имеется какое-либо «новшество» в сравнении со старым законом, то оно направлено исключительно против рабочих. Законопроект о страховании рабочих от несчастных случаев подменен законопроектом о страховании предпринимателей от обязанности возмещать рабочим целиком потерю трудоспособности.

IV.

Посмотрим теперь, что дает рабочим законопроект о страховании на случай болезни, или, вернее, что он у них отнимает.

В силу ст. 102 Устава о промышленности (закон 1866 г.), воспрещается с рабочих взимание платы за врачебную помощь и на предпринимателей возлагается обязанность устроить больничное помещение —в зависимости от числа рабочих —при фабриках и заводах. Конечно, эта врачебная помощь была организована крайне неудовлетворительно, а рабочим пришлось потратить не

половины всего расхода. Именно в пределах этих 20% может вполне свободно проявляться „рентное“ творчество предпринимательских врачей и агентов.

[1]) Практика Главного Присутствия достаточно показывает, как легко превратить в ремесленное заведение фабрично-заводское предприятие, занимающее сотни рабочих.

мало энергии, чтобы добиться более или менее сносной постановки ее в крупных предприятиях.

Несмотря на все желание правительства и предпринимателей отказаться от «бытовой, неразделяемой ни одним западно-европейским законодательством точки зрения, что врачебная помощь рабочим составляет прямую и непосредственную обязанность владельцев промышленных предприятий», авторам законопроекта пришлось волей неволей сохранить этот «неприятный обычай». Оставалось только по возможности превратить эту бесплатную помощь в платную или уменьшить и без того ничтожные расходы предпринимателей. И вот, вместо того, чтобы покончить с предпринимательской «экономией» за счет здоровья рабочего, ей теперь открываются новые еще более широкие перспективы.

Законопроект о страховании на случай болезни отделяет врачебную помощь от пособий на случай болезни. Устанавливаются три вида лечения: 1) первоначальная помощь при внезапных заболеваниях и несчастных случаях, 2) амбулаторное лечение и 3) больничное лечение с полным содержанием больных и помощью работницам при родах. Первые два вида лечения должны быть оказаны натурой. Предприниматели обязаны сами устраивать амбулатории и приемные покои и содержать медицинский персонал или входить в соглашение с земскими или городскими учреждениями и больничными кассами. Законопроект при этом предупредительно не указывает никаких норм при оказании медицинской помощи. И ясно, что указанное право предпринимателей будет использовано ими всегда, когда это будет выгодно *им*.

Но в еще выгодное положение ставит законопроект предпринимателей в вопросе о больничном лечении. Он совершенно избавляет их от обязанности устраивать больницы,—обязанности, которая возложена на них законом 1866 г. В отличие от первых двух видов лечения, фабриканты и заводчики не *должны*, а могут осуществлять его или натурой, или путем соглашения с больничными кассами. Если соглашение не состоялось, если больничные кассы оказались слишком «притязательными», если они не достаточно входят в расчеты предпринимательской экономии,— то фабрикантам и заводчикам предоставляется право сплавлять больных рабочих в местные больницы «на общем для местного населения основании». И если такая больница не существует или находится в отвратительном состоянии, то это уже, конечно, не вина просвещенных капиталистов, а местного самоуправления! Так просто будут предприниматели освобождены от расходов на устройство больниц. Если, по исследованию 1898 г., правильное устройство врачебной помощи с больничным лечением обходится для крупных фабрик, с числом рабочих свыше 500, от 4-х до 5-ти руб. в год на рабочего (для фабрик с числом рабочих от 50-ти до 100 —до 8 руб. 50 коп.) то, лечение в местных больницах или врачебных бойнях обойдется в ничтожную сумму. Таким образом, закон 1866 года,

«справедливый по основной мысли, но представляющий существенные неудобства», от которых, правда, предприниматели довольно усердно старались избавить себя, благополучно отменяется новым законопроектом [1]). Прибавим к этому такой крупный «шаг вперед», как возложение расходов по больничному лечению рабочих, пострадавших от несчастных случаев, в течение первых тринадцати недель на больничные кассы, т.-е. на рабочих, и мы поймем, что законопроект мог бы быть еще выгоднее для предпринимателей только в том случае, если бы они совсем были избавлены от всяких расходов на лечение рабочих. Но что поделаешь с необразованными людьми, коиорые упорно стоят на «бытовой» точке зрения!

Кроме врачебной помощи рабочим, второй законопроект «представляет» рабочим денежные пособия, выдаваемые во время болезни. Именно в отношении этой выдачи «действующий закон не содержит каких-либо прямых по этому поводу постановлений», и в данном случае мы имеем дело с настоящим новшеством. Но мы сейчас увидим, что и в этой «новизне» слышится все та же «старина»

Проект устанавливает, как общее правило, обязательность открытия больничных касс при предприятиях с числом рабочих свыше 400, мелкие же предприятия должны соединяться для образования общих касс. Заведывание делами их принадлежит общим собраниям участников и выборным правлениям касс. Размеры взносов и выдаваемых из кассы пособий устанавливаются общими собраниями. Такая система, —уверяет нас в своих мотивах к законопроекту министр, —«дает возможность самим застрахованным лицам приспособлять, в известных пределах, деятельность касс к живым и разнообразным потребностям рабочих масс»...

«Хорошо поет собака, убедительно поет».

Действительно, при наличности полного самоуправления больничных касс, участники их, т.-е. рабочие совершают поистине чудеса в умении распоряжаться своими средствами. А как обстоит дело в проектируемых кассах! Председателем общих собраний состоит предприниматель. Ему дается право veto по решениям собрания, а также возможность в некоторых случаях, т.-е. в тех случаях, где деятельность касс не достаточно приспособляется к «живым» и «разнообразным» потребностям предпринимателей,— приостанавливать решения как общих собраний, так и правлечий касс. Мало того. Предприниматель олицетворяет собою казначея кассы.

Но может быть предприниматели, как и в страховых товариществах, берут на себя покрытие всех расходов? Нет, эту обязанность они предоставляют рабочим, которые имеют право облагать

---

[1]) Одержимый „раз'яснительной“ горячкой, Сенат не вытерпел и поспешил, к великому удовольствию тверских и московских фабрикантов, раз'яснить и закон 1866 года.

себя взносами в размере от 1 до 3 проц. заработной платы. К этим официальным вычетам предприниматель прибавляет неоффициальный вычет в размере $^2/_3$ взносов рабочих и превращается в полного хозяина больничной кассы. В правлении он всегда имеет два голоса из пяти, и ему достаточно иметь одного «верного» человека, чтобы даже не пользоваться своим правом.

Удивительно ли, что после этой каррикатуры на самоуправление застрахованных рабочих, даже орган Совета с'ездов представителей промышленности и торговли считает излишними все многочисленные статьи, в которых хозяйский взгляд дополняется недреманным оком всероссийской охраны в лице Дубмадзе и Горчаковых?

На кого распространяется страхование на случай болезни? Расширяется ли круг страхуемых лиц, хотя бы сравнительно со страхованием от несчастных случаев? Опыт Зубатовщины и Гапоновщины показал и правительству и фабрикантам, как опасно облегчать возможность какой бы то ни было организации рабочих масс. При самых казалось бы неблагоприятных условиях, достаточно соприкосновения сотен и тысяч рабочих, чтобы создать из них готовый очаг пропаганды и агитации. И наши маленькие Бисмарки решили вернуться к более безопасному принципу. Рабочие в ремесленном производстве, торговые служащие, строительные рабочие, транспортные рабочие, рабочие на рыбных промыслах, сельско-хозяйственные рабочие, домашняя прислуга—все эти категории наемного труда находятся в несравненно более скверных условиях, чем рабочие крупной промышленности. Но они еще «спокойны», они еще мало «сознательны» и «непритязательны»—и хотя они особенно сильно нуждаются в государственном страховании, они его получат... когда территория России станет меньше, когда исчезнут «бытовые» особенности наших окраин [1]), когда они станут поголовно грамотными. Обо всем этом позаботится правительство, и тогда «блага» новых законопроектов будут рапространены и на них. До тех же пор даже Зубатовская организация страховых касс может помочь им организоваться и, чего доброго, *добиться* не только мелкой подачки, но и прав на человеческое существование.

Другое дело—рабочие крупной промышленности. Это—отпетые люди и с ними нужно держать ухо востро. Хочешь не хочешь, а они устроят и без помощи хозяев и правительства—на свои деньги всякий имеет право лечиться,—больничные кассы, где, даже при бюрократической опеке, они все же сами будут хозяевами. Так не лучше ли загнать их в обязательные больничные кассы и, собирая с них деньги, отдавать их под полный контроль хозяина и полицейского? Достаточно назвать это государственным страхо-

---

[1]) На этом основании страхование не распространяется на Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ, кроме Тифлисской и Кутаисской губ.

ванием, и не один глубокомысленный осел, наморщивши чело, найдет в этом законе и крупный «шаг вперед», а если и поймет даже, что это только «кое-что» или, вернее, ни то, ни се, то наверное будет «приветствовать отрадный факт провозглашения в высшей степени благотворного принципа государственного страхования».

Но «жизнь не стоит на одном месте». Условия воплощения рабочих требований в жизнь опять изменились, и в то время, как рабочая комиссия третьей Думы все еще собирается приступить к рассмотрению этих законопроектов, совет министров, вновь сопоставив их с существующим «положительным законодательством», пришел к заключению, что принятая в них формулировка нуждается в новой редакции. Оказалось, что огромная работа, затраченная на законопроекты, затрачена была почти впустую, так как они все же не регулируют всех отношений, возникающих на почве вновь вводимых норм. Но с помощью Крыжановских и Гурляндов, надлежащая формулировка была, наконец, найдена. Если же по законопроектам, самоуправление страхуемых рабочих сводилась почти к нулю, путем мелочной хозяйской и полицейской опеки, то новая формулировка отдает все страхование в руки Толмачевых, Горчаковых, Муратовых и Думбадзе.

«Предоставляется губернатору, как председателю присутствия по делам страхования рабочих, право, в случае несогласия его с решением присутствия, приостанавливать приведение решения в исполнение и опротестовать его министру торговли и промышленности, одновременно, доводя об этом до сведения министра внутренних дел». «Если губернатор признает деятельность председателя и членов правления больничной кассы по заведыванию ее делами незакономерною или угрожающею общественному спокойствию, или безопасности, то он имеет право устранить этих лиц с занимаемых ими должностей». И чтобы окончательно убить всякую возможность для «крамолы», свить себе гнездо в больничных кассах, Брутам из министерства внутренних дел или губернаторам предоставлено право производства ревизии больничных касс и их правлений.

Таким образом, вместо полного самоуправления застрахованных лиц, мы получаем полное подчинение их произволу правительственных чиновников. Страхование рабочих превращается в новое средство их обуздания. Правительство и фабриканты получают возможность держать наготове целые армии штрейкбрехеров, воспитанных в духе полного подчинения хозяину и полиции. Во всякое время на страховой фонд, назначенный для обеспечения рабочих, может быть наложена тяжелая лапа полицейского, во главе правления могут всегда быть поставлены черносотенцы. И если в Германии и Австрии профессионально и политически-организованные рабочие сумели использовать самоуправление больничных касс для расширения и укрепления страхования рабочих, если им удалось подготовить своею деятельностью основы для

создания действительного, а не призрачного государственного страхования, то проектируемые у нас больничные кассы послужат, наоборот, сильным орудием в руках фабрикантов для борьбы со всякой самодеятельностью рабочего класса. Организация рабочих для страхования от болезни, несчастных случаев и т. д. превратиться в средство борьбы с организацией рабочего класса для страхования от понижения заработной платы и удлинения рабочего дня, т.-е. с профессиональными союзами.

И как бы ни были велики материальные выгоды,—они, как увидим, сводятся к нулю,—предоставляемые такого рода страхованием, оно должно быть отвергнуто рабочими без всяких колебаний. За чечевичную похлебку мелких подачек, рабочие надели бы на себя новое ярмо. Давая им одной рукою «пряник», правительство готовит для них «скорпионы».

Без полной и неограниченной свободы союзов и собраний, без полного самоуправления застрахованных лиц, государственное страхование рабочих превращается в их государственное прикрепление к фабрикам и заводам, в новое, в тысячу раз худшее крепостное право.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ В РОССИИ [1]).

I.

Несмотря на все старания правительства уничтожить последние следы «дней свободы», несмотря на военное положение, чрезвычайные и усиленные охраны, профессиональные организации продолжают вести —зачастую незаметную, но упорную и систематическую —борьбу за свое существование. Чтобы уничтожить профессиональные союзы, необходимо вырвать с корнем рабочее движение. А на такой подвиг трудно решиться даже Столыпину. «Охота смертная», но судьба запроса о профессиональных союзах в Государственной Думе показала, что даже октябристы не могут помириться с гололобовской откровенностью, что им необходим фиговый листок, чтобы прикрыть свою наготу. Скрывается ли за этим решением тайная надежда, что Столыпин так же «блестяще» разнесет оппозицию, как он это сделал в вопросе об Азефе, является ли это решение принять запрос просто результатом «каких-нибудь тактических соображений», как об этом заявил в своей «неуместной» речи Гололобов, —эта лицемерная тактика показывает, как трудно даже в таком «парламенте», как наша Государственная Дума, обходиться без «европейского» костюма. Конечно, когда правительство, с документами в руках, докажет октябристам всю «закономерность» своих действий, тогда октябристы, с чистой совестью, отвергнут неудобный запрос социал-демократической фракции.

Литературные охранники из «России» заранее торжествуют. Они уже с восторгом перечитывают доклады своих коллег, «агентов осведомительной службы». Забегая вперед, они уже приподнимают завесу с «ужасной картины», которую представляет собою профессиональное движение.

«Пользуясь рабочим людом, как пушечным мясом, нагло залезая в карман рабочих, порабощая личность рабочего, насильничая с бесцеремонностью, которой нет имени, —организаторы рабочих союзов, под флагом профессионального движения, частью просто устраивали собственные делишки, частью же об'единяли массы для определенно-революционных целей».

И как это ни «ужасно», в той навозной куче, которую представляют собою «статьи» добродетельных Лукиных и Гурлян-

---

[1]) „Социал-демократ" № 5, 23 мая 1909 г.

дов, имеется зерно правды. Действительно, в своей деятельности в среде профессиональных союзов социал-демократия преследовала «определенно-революционные цели». Еще хуже. Именно потому затрачивала она и затрачивает столько энергии на поддержку и развитие профессионального движения; поскольку они ограничиваются «культурными задачами» и «поднятием материального благосостояния и развитием духовного мира» рабочих масс—совершают великое революционное дело.

И пред'являя российской социал-демократии такое «обвинение», ее ставят в «безвыходное» положение: даже без помощи Азефов, Столыпин легко может сослаться на резолюции как Стокгольмского, так и Лондонского конгресса. Обе они ставят вне всякого сомнения «вину» российской социал-демократии. От профессионального движения она может отречься так же мало, как профессиональные союзы от нее: в полном смысле этого слова они являются ее родным детищем.

С этой точки зрения приобретает особенно важное значение резолюция о профессиональных союзах, принятая в прошлом году Ц. К. Противники выдвигают целый ряд возражений: ее стараются «дискредитировать» и с точки зрения «догмы», ей пророчат недолговечное существование на основании истории, ее несостоятельность доказывается и целым рядом практических соображений. Теория осуждает ее, как порождение «привычки смотреть на вопрос рабочего движения под углом узких интересов партийной политики данного момента, вместо того, чтобы, напротив, свою партийную политику устанавливать с точки зрения развития рабочего движения в целом». История показывает, что «с тех пор, как возникло в России профессиональное движение пролетариата, социал-демократия пытается формулировать свое отношение к нему и не может остановиться окончательно на какой-нибудь твердой позиции»: следовательно, та же судьба ждет-де и указанную резолюцию. Практика доказывает, что проведение этой резолюции в жизнь грозит-де целым рядом нежелательных последствий, что Ц. К. в этой резолюции стал окончательно на новый путь,—опасных экспериментов—и только сыграет в руку тех, кто желал бы «видеть распущение недавчо еще столь могучих, массовых профессиональных организаций» и т. д. и т. д.

В той или иной форме эти аргументы повторяются одинаково некоторыми «партийцами» и иными «профессионалистами». И мы считаем тем более необходимым предпослать нашим хроникам критический разбор всей этой теоретической, исторической и практической аргументации, что таким путем нам удастся установить точку зрения, с которой мы будем рассматривать главные явления в области профессионального движения в России и заграницей.

Начинаем с теории.

«Профессиональные союзы не должны превращаться в орудие узко-партийных целей... К профессиональному движению нужно подходить без всяких предвзятых фракционно-партийных тенденций: вопросы профессионального движения, профессиональной борьбы и организации никогда не должны решаться под углом зрения интересов партийной организации [1])... Свою партийную политику социал-демократия должна устанавливать с точки зрения развития рабочего движения в целом».

Действительно, существует целый ряд вопросов профессионального движения и организации, которые с точки зрения социал-демократии являются—употребляя этический термин—адиафорными, но они принадлежат к области специальных, узко-технических вопросов. Таковы вопросы о форме и классификации взносов, о сроках и способах взимания, о формах союзного счетоводства, о способах хранения сумм и т. д. и т. д. Но нет почти ни одного другого вопроса профессиональной организации, решение которого «под углом зрения интересов» социал-демократии не являлось бы безусловно необходимым, если только мы не хотим, чтобы профессиональная деятельность «руководилась исключительно узким эгоизмом и теорией гармонии интересов между трудом и капиталом». И странно было бы требовать от социал-демократии, чтобы она не использовала свое влияние в определенном направлении. Таковы, например, вопросы о строении союзов, о предпочтительности союзов по профессиям (цехам) или по производству, централизованных или местных и т. п., и т. п. Социал-демократия обязана осуществлять принципы классовой солидарности и классовой политики во всей деятельности профессиональных союзов, она должна заботиться о том, чтобы в деле их строительства не был заложен ни один элемент цеховых организаций—и она не должна решать вопросы профессионального движения «под углом зрения своих интересов»?! Неужели именно теперь, когда, говоря словами Штутгартской резолюции, «все более и более расширяется та область классовой борьбы, в которой успех может быть достигнут лишь при единодушном, совместном действии партии и профессиональных союзов, мы откажемся от права решать вопросы профессионального движения под «углом зрения интересов партии» и проводить наши решения во всей практике профессиональных союзов? Такое идолопоклонство пред «профессиональным движением, как таковым», привело бы в действительности к укреплению тех элементов, которые присущи всякой профессиональной организации по той простой причине, что профессиональная борьба об'единяет рабочих только, как продавцев специфического товара, и создает как общность экономических стремлений с другими классами буржуазного общества,

[1]) Все эти аргументы сгруппированы в статье Мартова, напечатанной в „Голосе Социал-Демократа" № 4—5. Поэтому в дальнейшем изложении мы пользуемся его формулировкой этих аргументов.

стремлений улучшить условия продажи своих товаров, так и общность соответствующих этим стремлениям идеологических форм.

Вот почему «массовый» характер профессиональных организаций нисколько не исключает возможности развития и при определенных исторических условиях—укрепления целого ряда особенностей, борьба с которыми безусловно необходима «под углом зрения интересов» социал-демократии.

Как бы быстро и интенсивно ни развивалось профессиональное движение—в зависимости от степени развития крупной промышленности и концентрации рабочих масс в ее центрах—для него все-таки имеются пределы, их же не прейдеши, оно заключено в рамки, из которых оно само по себе, как таковое, никогда не может выбраться. Оно тем сильнее, чем больше оно захватывает данную *профессию*, профессиональный союз представляет тем более могучую организацию, чем больше вошло в него членов данной *профессии*. *Об'единяющая* сила профессиональной организации тем больше, чем сильнее она *раз'единяет* пролетариат по отдельным профессиям. Поэтому «массы», с которыми имеют дело профессиональные союзы, проникнуты зачастую всякого рода цеховыми предрассудками, исключающими иногда возможность солидарного действия с остальными «массами». С этими тенденциями можно и должно бороться, но они существуют, и от них не отговоришься никакими фразами об особых специфических преимуществах профессиональных союзов. Работа социал-демократической организации состоит именно в том, чтобы превращать разрозненные «массы», из которых состоит рабочая масса данной страны, в «массу», проникнутую сознанием своих *классовых* интересов, в *социал-демократическую* массу. Работая среди самых «конкретных» рабочих самых разнообразных профессий, она превращает их в «отвлеченных» от всяких национальных, местных и профессиональных интересов, но проникнутых сознанием своих *классовых* интересов. Что эта работа нисколько не мешает развитию «профессионального движения, как такового», что она, наоборот, дает даже усиленный толчок к его развитию, достаточно показывает не только практика Германии, Австрии, Скандинавских стран, Польши, но и России.

Процесс социал-демократической организации пролетариата является более сложным и более трудным делом, чем процесс его экономической или политической организации. *Настоящее* ложится таким тяжелым гнетом на каждого рабочего, что требуется уже очень высокая степень развития, сильный энтузиазм, готовность к жертвам, чтобы стать членом организации, в которой интересы *настоящего* подчиняются интересам *будущего*, которая не приносит никаких *осязательных* результатов. И очень часто упорная работа, затрачиваемая на дело социал-демократической организации пролетариата, *проявляется* в более интенсивном росте числа членов профессиональных союзов и числа избирателей,

чем в числе членов социал-демократической партии. Отсюда иллюзии лидеров профессионального движения и парламентских «вождей» рабочего движения, часто делающихся жертвами *«профессионального» и «парламентского» кретинизма*.

Считая главным фокусом своей деятельности социал-демократическое воспитание рабочего класса посредством разоблачения классового характера всего современного общества и государства, социал-демократия руководит всеми формами, в которых проявляется деятельность рабочего класса. Она руководит как экономической, так и политической борьбой «пролетариата», и поэтому она борется и должна бороться за «гегемонию» во всех организациях пролетариата, в том числе, разумеется, и в профессиональных союзах.

Социал-демократия—носительница классового движения пролетариата—*соподчиняет* их своей главной организации—социал-демократической, об'единяющей пролетариат для осуществления его главной цели, присущей ему в отличие от всех других классов буржуазного общества, обусловливающей *принципиальную* противоположность между всеми требованиями *рабочей* демократии и *буржуазной* даже в рамках современного общества. Этой целью, этим классовым интересом пролетариата, является уничтожение классового характера всего современного общества. Организации пролетариата во имя идеи социальной революции, его социал-демократической организации должны одинаково подчиняться—и только в этом смысле они одинаково необходимы и равноценны—как политическая, так и экономическая борьба пролетариата. И только эта организация пролетариата, его классовая организация par excellence, в основе которой лежит не профессиональный союз и не союз избирателей, а социал-демократический союз, и может и должна «использовать» в интересах своей основной задачи как экономическую, так и политическую организацию пролетариата, как профессиональные союзы, так и другие организационные ячейки, в которых отливается стремление пролетариата к об'единению, только она и может и должна решать *все* вопросы массового рабочего движения «под углом зрения своих интересов».

И если социал-демократия должна бороться со всякими «политическими» односторонностями, то также энергично она должна бороться и против всяких «экономических» увлечений, не боясь никаких упреков в том, что она стремится превратить профессиональные союзы в «орудие узко-партийных целей». Все наши защитники «массового рабочего движения», начиная от «рабочедельцев» и кончая «рабочес'ездовцами», упорно забывают, что оно может принимать различные формы, иногда очень уродливые, что восставать против них не значит еще восставать против *массового* рабочего движения, что имеется еще форма тоже массового рабочего движения, *социал-демократическое* рабочее дви-

жение, интересы которого должны стоять для нас на первом плане.

Вот почему нельзя требовать от социал-демократии, чтобы она отстаивала или выдвигала принцип *нейтральности* или *беспартийности*. Профессиональные союзы могут до поры до времени быть *непартийными*, они могут быть *формально* не приписаны к социал-демократической партии, но от них нельзя требовать, да и по самой сущности своей они не могут быть равнодушны к вопросу о том, какую партию они должны поддерживать с точки зрения своих интересов. Они не могут не вести агитацию среди своих членов, чтобы последние поддерживали ту партию, которая, без всяких колебаний и компромиссов, отстаивает интересы рабочего класса.

Принимая активное участие во всей деятельности профессиональных союзов, социал-демократы развивают в их членах классовое сознание и воспитывают классовую солидарность, они органически связывают союзы с партией. Превращается-ли эта *органическая* связь в *организационную*, закрепляется ли она только путем *личной* унии или также *формально*, в каких учреждениях выражается организационная взаимозависимость—эти вопросы решаются всегда под углом зрения партийных интересов в зависимости от данных условий времени и места. Профессиональные союзы имеют свою определенную сферу деятельности, которая совершается в рамках данных юридических и политических условий, и бывают обстоятельства, когда партии иногда несравненно выгоднее отказаться от *организационной* зависимости профессиональных союзов, чтобы сохранить и укрепить свою *органическую* связь с ними. Но и в этом случае отказ в данный момент развития рабочего движения от организации «партийных» союзов предполагает постоянную и неуклонную борьбу в защиту партии и ее политики.

Правда, бывают условия, при которых не только во имя «единства профессиональной организации», но и во имя *единства социал-демократической организации* социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, приходится отстаивать их «нейтралитет» по отношению *к различным фракциям одной и той же партии*. Но это eine Not (необходимость), из которой нельзя делать eine Tugend (добродетель), и которую уже во всяком случае нельзя возводить в принцип.

II.

Российская социал-демократия, действительно, долго не могла «остановиться окончательно на какой-нибудь твердой позиции», поскольку речь шла о формулировке ее отношений к профессиональному движению пролетариата. Но история этих отношений, излагаемая Мартовым, страдает крупными пробелами.

В его изложении она превращается в обвинительный акт против «большевиков».

До середины 90-х годов, когда русские социал-демократы занимались преимущественно пропагандой идей научного социализма, когда их организационная деятельность сводилась к выработке элементов для будущей организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, вопросы экономической борьбы очень мало занимали их внимание. Но после стачек 1896—1897 годов период пропаганды окончательно сменяется периодом, так назыв., «агитации». Тогдашние социал-демократы, создали специально приспособленную для практических нужд движения «экономическую идеологию» [1]). В области организационной деятельности «экономисты» до некоторой степени осуществили тот «монизм» политической и экономической организации, который мерещится адептам современного синдикализма. В основу всей партийной организации ставились «кассы», цехи, превращавшие каждого рабочего в прирожденного члена социал-демократической партии. Вся социал-демократическая деятельность сводилась к экономической борьбе с фабрикантами и к организации стачек.

В следующий, период, «искровский», экономические задачи несколько отодвинулись на задний план. Тогда же, в виде реакции прежнему увлечению экономической борьбой,—стало замечаться недостаточно внимательное отношение к профессиональному движению. «Искра» и многие искровцы стояли на точке зрения признания *политической нейтральности* профессиональных союзов. И Плеханов *формально* прав, говоря, что он является в этом отношении хранителем традиций старой «Искры» [2]).

Так подготовлена была резолюция о профессиональном движении, принятая будущими «большевиками» и «меньшевиками» в 1903 году.

Второй с'езд не успел еще закончить своей работы, как разразились июльские события, вместе с ростовской стачкой, открывшие новую эру в российском рабочем движении.

Экономическая борьба превращалась в политическую, стачка, девизом которой являлась «копейка на рубль», превращалась в грандиозную демонстрацию, массовые митинги, и, наоборот, тщательно подготовленная демонстрация завершилась це-

---

[1]) Наиболее яркое отражение она нашла в анонимной брошюре „Об агитации“ и в брошюре „Рабочее дело в России“ Мартова. Разновидностями этой идеологии являются „рабочедельчество“ и направление „Рабочей мысли“.

[2]) В предисловии к сборнику своих статей „За 12 лет“, в котором перепечатано и „Что делать“—это credo „искризма“,—тов. Ленин оговаривается, что взгляды его на профессиональное движение изменилось с тех пор: он убедился после Лондонского с'езда Р. С.-Д. Р. П. и Штутгартского международного конгресса, что нельзя отстаивать принципиально нейтральность профессиональных союзов.

лым рядом экономических стачек, политическая борьба превращалась в экономическую. Наконец, *экономическая и политическая борьба сливается в массовую стачку против политического режима*. 9-е января и события, последовавшие за ним, показали опять, что, становясь во главе экономической борьбы пролетариата, социал-демократия лучше всего может воспрепятствовать возникновению и укреплению различных форм «чисто» рабочего движения».

Но, несмотря на то, что профессиональное движение развивалось среди рабочих прямо пропорционально развитию социал-демократической пропаганды, теоретическое понимание все еще отстает от практического опыта, все еще не может сделать надлежащие выводы из указанных фактов. Под'ем революционной волны заставляет одних—главным образом, большевиков—по выражению женевского «Впереда» «сосредоточить все свои силы на более непосредственных социал-демократических целях организованного руководства революционным потоком». Другие, главным образом, меньшевики увлекаются легальными—зубатовскими и полузубатовскими—обществами взаимопомощи и к великому удовольствию присяжного писателя министерства финансов—заявляет на страницах новой «Искры» (№ 108), что профессиональные союзы являются «наиболее целесообразной организацией рабочих масс».

Октябрьские дни, практика советов рабочих депутатов и интенсивная деятельность социал-демократов в профессиональном движении заставили изменить традиционное отношение к профессиональным союзам. За некоторыми, совершенно ничтожными исключениями, главными организаторами и деятелями профессиональных союзов являлись социал-демократы, не всегда, правда, принадлежавшие к одной из главных фракций. Практика профессиональных союзов показывала, как нелепа была бы попытка навязать им—в особенности со стороны социал-демократов—догмат *нейтральности*. И уже к весне 1906 года мы—ни среди большевиков, ни среди меньшевиков—не встречаем защитников нейтральности, которая становится лозунгом кадетов и социалистов-революционеров. Но—в особенности в Петербурге—практика советов рабочих депутатов вынуждает социал-демократов отстаивать принцип *нейтральности* по отношению к *социалистическим партиям*. Последовательное проведение его представителями обеих фракций в громадном большинстве случаев давало возможность социалистам-революционерам «жать» там, где они не «сеяли», и проникать в профессиональные союзы, в организации которых они не принимали никакого участия.

Как бы то ни было, к весне 1906 года, когда собрался об'единительный с'езд, в социал-демократической партии не осталось ни одного приверженца «нейтрализма». Не было также и защитников немедленного партийного оформления союзов. Таким об-

разом, на Стокгольмском с'езде была принята единогласно, при 2-х воздержавшихся, известная стокгольмская резолюция.

Единогласное принятие этой резолюции «меньшевиками» и «большевиками» показывает, что разногласия между обеими фракциями по этому вопросу не были особенно велики. Предложенная «большевиками» резолюция также говорит о том, что «все организации партии должны способствовать образованию *беспартийных* профессиональных союзов». Одинаково считая нецелесообразным устраивать партийно-оформленные союзы, как «большевики», так и «меньшевики» считали также неудачным и термин «нейтральный». К сожалению, комиссия, выбранная на с'езде для редакции резолюции, остановилась на таком же неудачном термине, как «беспартийный», предложенном и большевиками. Уже тогда, в органе Петербургского Центр. Бюро профессиональных союзов, указывалось, что новый термин будет вызывать такие же недоразумения, как и термин «нейтральный» [1]).

Там же были отмечены и другие недостатки этой резолюции: 1) слишком категорическое признание возможности прочного улучшения положения рабочих масс в результате экономической борьбы, 2) партийная санкция одного способа легализации профессиональных союзов, 3) неясность формулировки взаимоотношений между партией и профессиональными союзами.

Но, признав необходимость поддерживать стремление рабочих к профессиональной организации и считая при данных условиях нецелесообразным организовать партийно-оформленные союзы, резолюция решительно отвергает принцип «нейтрализма» и вменяет в обязанность членам партии «постоянно укреплять среди членов профессиональных союзов их классовую солидарность и классовое сознание», иными словами, вести социал-демократическую пропаганду, и, следовательно, принимая участие во всей деятельности союза, решать вопросы профессионального движения «под углом зрения интересов партии».

Странно поэтому видеть в резолюции Лондонского с'езда 1907 г. «диаметральную противоположность» стокгольмской, как это делают Мартов и некоторые русские профессионалисты. Скорее эти оппоненты Лондонской резолюции сами сделали *шаг назад* от стокгольмской резолюции. Правда, *редакция* лондонской резолюции до некоторой степени носит следы работы наспех. Приходится также сожалеть о том, что она принята без всякого доклада и без всякой мотивировки, как и резолюция Стокгольмского с'езда, что поэтому, члены партии, не бывшие на с'езде, при критике этой резолюции, должны опираться только на текст.

Но что говорит резолюция *по существу?*

«Подтверждая резолюцию об'единительного с'езда о работе

---

[1]) Рязанов, Об'единительный с'езд Р. С.-Д. Р. П. о профессиональных союзах „Проф. Союз" 1906 г., № 18—19.

в профессиональных союзах, с'езд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них—содействие признанию профессиональными союзами идейного руководства социал-демократической партии, а также установлению организационной связи с ней, и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь».

Где же тут «диаметральная противоположность» Стокгольмской резолюции? Последняя также настаивает на необходимости «содействия признанию профессиональными союзами идейного руководства социал-демократической партии». Что же касается установления «организационной связи», то, не говоря уже о большевиках, «меньшевики» и те профессионалисты, которые теперь высказываются против нее, старались все время установить ее в той или другой—и часто очень нецелесообразной—форме. Что она фактически существовала—доказывается всей историей профессионального движения не только в Москве, Харькове, Одессе, но и в Питере.

Если Мартов и некоторые профессионалисты усматривают в ней *обязательность* немедленного партийного оформления проф. союзов, то это—ошибка, легко об'ясняющаяся отсутствием мотивировки. Такое решение было бы так же странно, как и решение устраивать только *непартийные союзы*. Навязывать его товарищам из П. С.-Д. было бы так же нелепо, как если бы наши товарищи из П. С.-Д. хотели навязывать его всей партии. И не только странное, но и прямо удручающее впечатление производит аргументация противников партийно-оформленных союзов, с торжеством указывающих на тяжелое положение польских социал-демократических союзов.

И если мы дорожим достигнутым—пусть лишь формальным—единством организации всего российского пролетариата, без различия национальности, то мы можем только приветствовать Лондонскую резолюцию, давшую возможность войти в общую партийную организацию товарищам из П. С.-Д. без вынужденного отказа от основного принципа их политики в профессиональных союзах.

Поэтому, не отказываться от резолюций Стокгольмского и Лондонского с'ездов должны мы, а, наоборот, выработать наиболее целесообразные способы их проведения в жизнь. Что это должно делаться не «с бану», а «с большим тактом, с величайшей осторожностью» или, как выражается т. Ленин—«соблюдая необходимую осторожность и постепенность, не делая никаких порывистых и не тактичных шагов»—само собой понятно. Мы думаем только, что *«бестактное»* проведение в жизнь верных *принципов* менее вредит, чем *тактичное* осуществление *ошибочных* принципов. Но чтобы выработать *принципиально* правильную тактику

социал-демократии в профессиональных союзах, надо не бояться решать все вопросы профессионального движения «под углом зрения интересов партии».

Резолюция, принятая Ц. К., становится на этот единственно правильный путь, и можно только радоваться, что она принята единогласно.

«Усиленная работа социал-демократов в профессиональном движении, предписываемая всем современным положением вещей, должна вестись в духе Лондонской и Штутгартской резолюций, т. е. ни в каком случае не в духе принципиального признания нейтральности или беспартийности профессиональных союзов, а, наоборот, в духе неуклонного стремления к возможно более тесному сближению союзов с социал-демократической партией.

Признание профессиональных союзов социал-демократическими должно быть результатом исключительно пропаганды и организации социал-демократов внутри профессиональных союзов, и не должно нарушать единства экономической борьбы пролетариата».

Трудно требовать «большего такта, большей осторожности».

Но, может быть, практические директивы Ц. К. в этой области грозят нанести непоправимый ущерб профессиональному движению. Нам остается теперь рассмотреть «практические» соображения, выдвигаемые против резолюции.

III.

Сначала маленькая историческая справка. Вот, что мы читаем у пресловутого профессора Святловского в его полуграмотном «научном» труде о «профессиональном движении в России». Расхвалив резолюцию Стокгольмского с'езда, он продолжает: «К сожалению, уже с зимы 1906—07 года начинается поворот в нежелательную сторону гегемонии и партийности. Так, под влиянием совершенно ошибочных и, быть может, случайных (!) мотивов, верховный коллектив партии решается об'единить и централизовать социал-демократическую работу на местах». Дальше идет перепечатка циркуляра Ц. К. об организации «профессиональной комиссии при Ц. К.» [1]). Затем, наш профессор продолжает: «желание организовать» «профессиональную комиссию» равно стремлению создать новый штаб без армии. Практически же этот циркуляр пока дал только прекрасный повод политической полиции обвинить социал-демократов в новом «заговоре». Окончательным завершением отмеченного поворота является резолюция Лондонского с'езда партии весною 1907 г.» [2]).

---

[1]) См. приложение № 1. Циркуляр писан мною, как одним из членов этой комиссии. *Д. Р.*

[2]) Святловский, Проф. движение в России, СПБ, 1907. стр. 379—361.

Итак, если верить г. Святловскому, меньшевистский Ц. К. «сыграл в руку тех, кто желал бы видеть распущение нынешних, недавно еще могучих массовых профессиональных организаций». Действительно, в ответ на циркуляр Ц. К., последовал циркуляр департамента полиции от 10 мая 1907 г., в котором все губернаторы всей России предупреждались о том, что «в последнее время при Ц. К. социал-демократической партии образована особая профессиональная комиссия для об'единения и согласования работы социал-демократов в профессиональных союзах», что, «вследствие особо напряженной деятельности социал-демократов, профессиональные союзы принимают уже вполне определенный облик социал-демократических организаций и потому являются весьма опасными для государственного строя».

«Результатом этого циркуляра,—прибавляет с сожалением г. Святловский, основываясь на корреспонденции «Речи» из Нижнего-Новгорода,—явились обыски и аресты многих членов профессиональных нижегородских организаций, воспрещение собраний и т. д.».

Но об'ясняется ли это усиление репрессий роспуском второй Думы или как-нибудь иначе, мы видим, что попытка организованного и организационного воздействия на профессиональные союзы со стороны Ц. К. ведет свое начало от Стокгольмского с'езда. Констатировав рост профессионального движения, циркуляр Ц. К. указывал членам партии на выдвигаемые этим ростом все новые и все более сложные задачи. «Хотя острый политический момент требует от партии массы сил и средств, русские социал-демократы не только не прекращают своей работы в области экономической борьбы и профессиональной организации пролетариата, но, наоборот, усиливают ее, поддерживая славные традиции российской социал-демократии, которая по справедливости может считаться родоначальницей русского профессионального движения. Констатируя далее, что эта работа социал-демократов на местах не всегда носила единообразный характер, циркуляр Ц. К. видит одну из причин в том, что «единственным руководством могла служить лишь резолюция, принятая на об'единительном конгрессе в Стокгольме, но она давала лишь общие принципы, которые на местах толковались различно. «Поэтому, Ц. К. пришел к заключению, что необходимо организовать особую профессиональную комиссию при Ц. К. Собирание партийного опыта, *об'единение и согласование работы социал-демократов в профессиональных союзах*, подготовка материалов для решения отдельных вопросов профессионального движения в согласии с общими задачами партии, критика и разработка законопроектов по рабочему законодательству и профессиональному праву— таковы главные задачи профессиональной комиссии»... В осуществлении этих задач Ц. К. видел главную гарантию, что «российская социал-демократия сумеет сообщить русскому профессио-

нальному движению еще больший размах *и укрепить в нем сознание общих классовых задач всего российского пролетариата*».

Итак, новый Ц. К. следует по пути, намеченному уже Ц. К., избранным на Стокгольмском с'езде, т.-е. меньшевистским.

Перейдем теперь к рассмотрению практических советов, даваемых Ц. К. относительно работы в профессиональных союзах. Крупный недостаток ее он видит в том, что профессиональные союзы «не успели в большинстве случаев создать сплоченные организационные ячейки *в отдельных предприятиях*». Без таких ячеек, по его мнению, нельзя ни построить устойчивые профессиональные союзы, ни руководить экономической борьбой пролетариата.

С этим взглядом трудно согласиться. Гораздо более крупным недостатком в деятельности профессиональных союзов являлось отсутствие сплоченного организационного ядра, которое фактически руководило бы ими. Увлекаясь идеей «широкого» рабочего движения, многие деятели профессионального движения ставили на перьый план *количественное* расширение числа членов профессионального союза, забывая, что при первом серьезном испытании «масса» отхлынет от союза. Там, где удавалось создать такое сплоченное *организационное ядро*, профессиональные союзы устояли против репрессий. Формальные рамки союза менялись, изменялось его название, его закрывали—и все-таки деятельность указанного ядра совершалась неуклонно: профессиональный союз действовал совершенно конспиративно.

Устройство такого сплоченного организационного ядра,— важности которого не станет, разумеется, отрицать и наш Ц. К.,— в среде профессионального союза предполагает, конечно, и группировку подходящих элементов в отдельных предприятиях, но эти ячейки должны быть всегда составною частью более крупного ядра, они должны состоять из доверенных лиц профессионального союза. Главная задача состоит в организации социал-демократов внутри профессионального союза, а не, как это предлагала Московская областная конференция, в «организации широких слоев рабочих вокруг партийной ячейки данного предприятия».

Поэтому, Ц. К. поступил совершенно правильно, существенно изменив план московских большевиков.

Точно также нет никакой необходимости, в целях об'единения и согласования социал-демократической работы в профессиональных союзах, организовать непременно «профессиональные группы с.-д. *каждой профессии*, об'единяющие *профессиональные* группы *отдельных предприятий*». И ь области профессиональной организации территориальный принцип гарантирует в большей степени против цеховых [1]) стремлений, чем организации по *заводам* или *предприятиям*.

---

[1]) Необходимо, однако, отметить, что и Ц. К. высказывается против возврата к цеховой организации. В № 1 „С.-Д." —Ц. О. партии, изданном в Петербурге, в редакционной статье „К организационным вопросам", на-

Нельзя зато не согласиться, что «там, где полицейские репрессии совершенно разбили профессиональные союзы и где исчерпаны все возможности для возобновления их на легальной почве, необходимо немедленно приступить к организации нелегальных профессиональных союзов». От «этой перспективы» не «отворачивается совершенно» и Мартов. И очень хорошо делает. *Легальных* союзов у нас еще нет и не было, за исключением разве черносотенных. Мало того. Петербургская практика показала, что, при наличности известного *политического* под'ема, «нелегальные» союзы развиваются не хуже «легальных», что всякий даже легализованный союз служит только юридической рамкой для нелегального союза, фактически являющегося главным руководителем всей профессиональной деятельности. И та же практика показала, что, при усилении политической реакции, первой жертвой ее становятся именно легализованные союзы и в особенности те, которые не успели создать необходимый «конспиративный» аппарат. Задача соц.-дем. и состоит в том, чтобы, с помощью такого «конспиративного» аппарата, создать в рамках всякого легализованного союза именно «нелегальный» союз. Деятели профессионального движения вовсе не склонны итти по другому пути, как уверяет Мартов. Такая глупость, как «заменять закрытые союзы обществами взаимопомощи», им в голову не приходит. Старания их все время были направлены на то, чтобы использовать каждую «зацепку», дающую возможность открыто собираться «нелегальному» союзу. Совершенно неожиданным является предложение Мартова «прямо заявить, что легальное существование настолько важно для союзов, что ради него они в праве, как это, впрочем и делают (?!), временно принижать свои боевые «задачи». Знакомство с профессиональной прессой и резолюциями конференций профессиональных союзов показало бы Мартову, что такой совет со стороны партии прозвучал бы для профессиональных союзов очень странной мелодией. И шестой пункт резолюции Ц. К. формулирует только практику профессионального движения (конечно, мы не говорим тут об исключениях): «нелегальные союзы должны вести упорную борьбу за легальность, при чем легальное существование не должно принижать боевых задач профессиональной организации пролетариата».

Конечно, резолюция Ц. К. представляет только первый шаг по пути решения вопросов профессионального движения «под

ходим следующие слова: „В связи с проектом организации социал-демократов внутри проф. союзов возникает вопрос о том, не грозит ли нам это возвратом к цеховой форме организации. Мы думаем, что нет, и полагаем, что опасения в данной области преувеличены. Наша территориальная форма организации, несомненно, должна быть и будет сохранена. Более или менее оформленная организация с.-д. в проф. союзах будет ее только дополнять. Опасность тем меньше, что и сами союзы у нас организуются, согласно лозунгу с.-д., не по цехам, а по предприятиям, т. е. и союзы кладут в основу боевую единицу — целую фабрику, целый завод и т. д.

углом зрения интересов партии». Выработке «директив» должна еще предшествовать дискуссия в партийной прессе и в партийных организациях. И мы надеемся, что профессиональная комиссия при Ц. К. займется подготовкой материалов, необходимых для того, чтобы социал-демократы могли занять определенную позицию во всех внутренних вопросах профессионального движения.

Но кроме этой задачи, кроме непосредственного содействия профессиональной организации пролетариата, партия не должна забывать и о другой не менее важной задаче, если она хочет действительно «бороться против опасности расхождения между профессиональной и политической организацией». Кроме указанного «только одного верного способа», как думает Мартов, есть еще другой, не менее верный: партия всегда должна, без всяких оговорок, отстаивать «узкие», «классовые» требования пролетариата. Она не должна смущаться причитаниями и воплями о так называемых общенациональных задачах, перед которыми должны отступить на задний план узкие классовые интересы пролетариата. Наоборот. Именно «в атмосфере революционной эпохи», или в такие моменты, которые мы переживаем теперь, когда существующий «порядок» вызывает «всеобщее» негодование, когда протест может быть «всеобщим» только, когда он выражает требования пролетариата лишь в слабой степени, —социал-демократия должна особенно резко формулировать его требования. Кто завоевывает «свободы» для пролетариата, тот завоевывает их для всего народа. Эта тактика не только вообще является лучшей тактикой со стороны партии, отстаивающей интересы рабочего класса, но и лучше всего обеспечила бы за ней гегемонию среди тех масс, классовое самосознание которых развивается только в медленной и упорной борьбе за непосредственные интересы. Она же представляет и самый верный способ, чтобы связать профессиональные союзы с социал-демократией.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ КОМИТЕТЫ [1]).

Товарищи! Вопрос об отношении между фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами стоял и в порядке дня первой всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов. Вам уже известно из отчета всероссийского центрального совета профессиональных союзов, что мы на этой конференции добились известного компромисса между фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами. Если не считать партии анархо-синдикалистов и тех патриотов фабрично-заводских комитетов, которые имеются в нашей среде, то резолюция была принята единогласно и являлась резолюцией, подписывающей смертный приговор особой центральной организации фабрично-заводских комитетов.

Руководствуясь этим постановлением, мы во всероссийском центре организовали отдел регулирования труда, куда вошли представители, выбранные на этой всероссийской конференции, и образовали бюро. Резолюция эта принята за 2—3 дня до октябрьского переворота. Октябрьский переворот опять совершенно изменил отношения между фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами в Питере. Фабрично-заводские комитеты, которые на этой всероссийской конференции, только после упорной борьбы и сопротивления, согласились на смертный приговор, согласились окончательно уступить профессиональным союзам всю область руководства в борьбе за улучшение положения рабочего класса, эти комитеты, после этого, на практике совершенно отказались от компромисса и вернулись к своей старой точке зрения. На первом и, надо сказать, единственном пока заседании верховного органа рабочего контроля представитель фабрично-заводских комитетов заявил, что резолюция является исторической и окончательно отменена новым поворотом в политико-экономической жизни России.

Я позволю себе теперь остановиться в нескольких словах как-раз на ее тексте и посмотреть, действительно-ли те новые условия, которые созданы октябрьским переворотом, создают для фабрично-заводских комитетов новые условия и дают им возможность играть в этой новой полосе жизни большую роль,

[1]) Доклад на первом Всероссийском с'езде проф. союзов в январе 1918 г.

чем ту, которую они играли перед октябрьским переворотом. Я не буду повторять того, что я уже сказал в своем приветственном слове, что новые условия, которые теперь у нас имеются, ставят на очередь социализацию, или национализацию целого ряда отраслей промышленности, поскольку к этой национализации или социализации подготовлено развитие капиталистических условий производства. Именно эта точка зрения должна заставить нас сказать, что, если фабрично-заводские комитеты уже в начале нашей революции, в марте, апреле и мае брались за задачи, для которых они абсолютно непригодны, то еще менее пригодными они являются для той полосы жизни, в которую мы теперь вступаем. Нет более непригодного аппарата по самому своему существу, по самому своему происхождению, чем фабрично-заводские комитеты, для того, чтобы служить тем, чем мы бы хотели заставить их служить, т.-е. органом, способствующим политической власти, опирающейся на рабочих и крестьян, той политической власти, которая хотела бы превратить целый ряд отраслей в отрасли социализированные. Уже на первой конференции фабрично-заводских комитетов я указывал, что, по самому ее составу, нет организации, которая, подобно фабрично-заводским комитетам, является такой жертвой интересов своей колокольни, маленькой колокольни, хотя бы она охватывала городок вроде Путиловского завода в 40 тысяч человек. Я тогда указывал, что только в атмосфере сильного революционного под'ема все основные коренные недостатки организации фабрично-заводских комитетов могут распылиться, могут исчезнуть на время, но как только исчезнет под'ем, энтузиазм, то зсе, что лежало в основе фабрично-заводских комитетов, поскольку от них отделятся функции борьбы за экономическое улучшение рабочего класса, опять получает преобладание и притом в самых неприятных и самых неудобных формах. Фабрично-заводские комитеты и в Питере, если имеют какое-нибудь значение в области экономической жизни, то только в металлообрабатывающей промышленности; ни в какой другой отрасли промышленности фабрично-заводские комитеты не играли большой роли. Если бы я имел возможность остановиться более подробно на этом вопросе, вы увидели бы, что и тут фабрично-заводские комитеты могли получить преобладание только в силу особенных условий питерской металлообрабатывающей промышленности. Могут сказать, что в этой резолюции, где фабрично-заводские комитеты отказались от всяких претензий заменять профессиональные союзы в области руководства экономической борьбой, за ними все-таки оставлена преобладающая роль в области контроля над производством. И вот тут-то я позволю себе сделать маленькую экскурсию в область контроля над производством, чтобы показать, несколько резко изменились условия, начиная с апреля и мая, когда мы спорили с фабрично-заводскими комитетами, и в период после

октября. Если в апреле и марте,—а поднят был этот вопрос как раз в оборонческой промышленности,—фабрично-заводские комитеты имели основание поднять вопрос о контроле над промышленностью, если тогда это было течение вполне понятное, так как необходим был контроль над военно-промышленными комитетами, руководившими тогда всей металлообрабатывающей промышленностью, развивавшими его в сторону окончательного поглощения мирной промышленности военной промышленностью, если тогда необходим был рабочий контроль над фабрикантами, над промышленниками, над заводчиками, то теперь, после октября,—это должны знать и фабрично-заводские комитеты, и профессиональные союзы, и те, которые стоят на точке зрения немедленного превращения профессиональных союзов в государственный орган,—*теперь в порядке дня поставлен вопрос о контроле рабочего правительства, о контроле всего рабочего класса над рабочими в отдельных фабрично-заводских предприятиях, о контроле над самими этими рабочими, поскольку они забывают, что можно быть тысячу раз металлистом, тысячу раз текстильщиком, но это еще не дает права этому текстильщику, сапожнику, металлисту считать себя единственным, точным и ясным выразителем интересов всего рабочего класса. Без такого контроля со стороны всего рабочего класса, со стороны всего пролетариата,—а для этого нужна целая сеть органов, контролирующих действия каждой такой отдельной ячейки на каждом заводе, на каждой фабрике, на каждом предприятии,—мы будем иметь только расхищение народного хозяйства, расхищение того хозяйства, которое мы хотели обобществить;* мы будем иметь целый ряд распыленных ячеек, которые нам в лучшем случае дадут превращение отдельных фабрик, отдельных заводов, отдельных предприятий из основных ячеек целого хозяйства, сплоченного, слитого организма, в сеть распыленных, маленьких, ни на что непригодных акционерных фабрик. Если стать на эту точку зрение то мы увидим, как необходим строгий контроль над этими отдельными ячейками в отдельных предприятиях.

Несчастье фабрично-заводских комитетов,—а это несчастье преследовало их до 25 октября,—состоит и теперь в том, что они отождествляют интересы данного завода, фабрики, предприятия с интересами всего народного хозяйства, с интересами всего рабочего класса. Я не хочу тут останавливаться подробно на деятельности Центрального Совета фабрично-заводских комитетов после октябрьского переворота в Питере,—об этом мы будем иметь случай подробно, с фактами в руках, поговорить на Всероссийском с'езде союза металлистов, где этот вопрос является злободневным и, так сказать, самым больным, и где этот вопрос будет окончательно решен. Повторяю, спор между фабрично-заводскими комитетами и профессиональными союзами возник, существует и решится окончательно в металлообрабатывающей

промышленности, так как все те опасения, которые нам внушают фабрично-заводские комитеты в их отношениях к профессиональным союзам, в других отраслях промышленности на деле не существуют и не вызывают с нашей стороны тревоги за судьбы профессионального движения, если оно будет поставлено в совершенно новые условия существования.

На той же 1-й конференции фабрично-заводских комитетов я указал на революционную роль, которую играли фабрично-заводские комитеты в начале революции, в марте; я сказал, что практически самым целесообразным для фабрично-заводских комитетов будет избрание той формы самоубийства, которая явится наиболее полезной для всего профессионального движения, т.-е. фабрично-заводские комитеты должны с самого начала сказать себе, что там, где они образовались раньше, чем профессиональные союзы, там они должны смотреть на себя, как на ту ячейку, как на то ядро, которое должно войти и стать составным элементом профессионального союза данной обрабатывающей промышленности; никакого другого выхода для фабрично-заводских комитетов нет. Тем более он диктуется как-раз теперь, когда мы входим в полосу жизни, где в особенности будет необходим контроль всего рабочего класса, а не каких-нибудь отдельных профессий, над всем хозяйством, когда в особенности необходимо будет планомерное регулирование всего народного хозяйства, без которого немыслимы социализация и национализация целого ряда отраслей промышленности. Ибо, если мы поступали бы так просто, как поступают теперь наши товарищи по власти,—я говорю о крестьянах,—если бы мы так просто расправлялись с социализацией промышленности, как иногда расправлялись с социализацией земли, то мы получили бы то же самое, что мы получаем в целом ряде губерний, где действуют по принципу «бери». Если поставить в первую голову принцип «бери», если исходить из того, что контроль рабочих должен совершаться в первую голову на данном предприятии, то мы попадем в положение бедного крестьянина, бедного мужичка, который, захватив землю в свои руки, захватив даже инвентарь помещичий в свои руки, пока не произведена социализация всего этого строя, пока не уничтожено товарное производство, должен будет через 2—3—4 недели очутиться перед механизмом капиталистического способа производства, в национальном или интернациональном масштабе, который заставит его вспомнить, что решение какой-нибудь задачи на данном месте по принципу «бери снизу» есть решение, пригодное на день, два, три, на год, не больше.

И вот тут в первую голову, когда нам приходится опять встречаться с деятельностью фабрично-заводских комитетов, мы натыкаемся на ту практику, которую мы видели в Питере. Никогда наши фабрично-заводские комитеты не имели таких благоприятных условий для своей деятельности, как в течение этих

2 месяцев. Я рекомендовал бы тем товарищам, которые еще тут остаются, пойти в Центральный Совет фабрично-заводских комитетов, на Фурштадтской улице, и узнать там об их деятельности. Если вы попросите, чтобы вам рассказали, что сделано было за эти $2^1/_2$ месяца, то даже, если вам недостаточно подробно расскажут все, то одно вам скажут, что фабрично-заводские комитеты в той области деятельности, которою занимаются профессиональные союзы, и которой они дальше будут заниматься, что в этой области фабрично-заводские комитеты не сделали ровно ничего. По той простой причине, что в Питере они превратились окончательно в органы, заменяющие иногда предпринимателей, а наичаще, сотрудничающие с предпринимателями там, где предприниматели идут на некоторые уступки, превратились в органы, занимающиеся управлением, заведыванием данной отраслью капиталистического производства; при чем оказывается, что фабрично-заводские комитеты в преследовании интересов своей фабрично-заводской колокольни доходят до таких пределов, до которых никогда не решились бы дойти предприниматели, опасаясь встретить сопротивление рабочих данной отрасли промышленности, профессионального союза в первую голову.

Повторяю, что на Всероссийском с'езде металлистов мы будем иметь возможность поговорить с представителями фабрично-заводских комитетов об этом подробно, с фактами в руках. Вероятно, многие из вас, бывавшие на Фурштадтской улице, заметили, поднимаясь в 3-й этаж, в помещение Всероссийского Совета Профессиональных Союзов, на двери заявление, которое, кажется, и до сих пор там висит, что, начиная с 1-го января, Центральный Совет фабрично-заводских комитетов города Питера не будет больше выдавать разрешений на вывоз сырья в Финляндию и через Финляндию за границу. Тут вскрывается одна страничка деятельности Центрального Совета фабрично-заводских комитетов, которая показывает, насколько он вошел в эту сторону деятельности, которую я только что охарактеризовал. Как-раз на конференции фабрично-заводских комитетов я совершенно категорически, просто указал, что наши фабрично-заводские комитеты в августе, сентябре и уже в июле превратились в организацию толкачей по части добывания сырья и топлива для своих соответствующих предприятий, при чем, эти толкачи,—мы имели целый ряд примеров,—приезжавшие к нам из Москвы, как я их и предупреждал, действовали именно в духе интересов своей колокольни. Я мог бы привести целый ряд фактов, которые показывают, с каким упорством, с каким сопротивлением данной фабрике, данному заводу приходилось бороться при распределении сырья и топлива только потому, что, как я говорил, по своему составу, по своей организации фабрично-заводские комитеты напоминают деревенский сход в какой-нибудь Неплюевке, в какой-нибудь Голодаевке, сход, который существует только инте-

ресами этих Неплюевок, этих Голодаевок и забывает об интересах всех остальных. Только именно в силу этого состава, в силу этой особенности фабрично-заводских комитетов и могли развиться эти черты. Даже в том случае, если от профессиональных союзов временно, не совсем, уйдет, или же будет видоизменена их боевая сторона деятельности, путем организованных стачек улучшать положение рабочего класса,—даже в этом случае за профессиональными союзами остается колоссальная задача непрерывного бдительного надзора за фабрично-заводскими комитетами по части регулирования и контроля над промышленностью, пока нам не удастся превратить фабрично-заводские комитеты в органы профессионального союза на данном предприятии, на данном заводе, в данной мастерской, при чем мы организуем там не фабрично-заводские комитеты, а советы представителей профессионального союза в данной отрасли промышленности. Я говорю, что и с этой точки зрения и при совершенно новых условиях, нам, представителям профессионального движения, именно нам, стоящим на той точке зрения, которую развивает левая сторона, придется наблюдать самым внимательным образом за деятельностью фабрично-заводских комитетов, ибо ни в ком, как только в фабрично-заводских комитетах, в этих узко-колокольнических, сепаратных и сепаратистских организациях, будущая власть рабочего и крестьянского правительства найдет противника по пути реорганизации нашего российского народного хозяйства на социалистических началах.

Я уже сказал, что процесс антагонизма между профессиональными союзами и фабрично-заводскими комитетами принял особенно резкие формы только в Питере. Я имел случай видеть некоторые уставы фабрично-заводских комитетов в провинции и должен сказать, что в большинстве этих уставов фабрично-заводские комитеты не берут на себя функций, которые уничтожают функции профессионального союза. Они делали с самого начала то, что должны были делать фабрично-заводские комитеты. Я думаю, что в провинции редко встречаются такие случаи, —а у нас их можно встретить на каждой фабрике, на каждом заводе, — когда из 15—18 членов фабрично-заводских комитетов всего только 5—6, а иногда и ни один не входит в соответствующий профессиональный союз. Такие примеры мы до октября встречали сплошь и рядом. Я лично думаю, что после 25 октября, когда наши фабрично-заводские комитеты стали на ту точку зрения, что 25 октября убило профессиональное движение, эти случаи не только не стали реже, но еще более участились, ибо, и этого не надо скрывать, та точка зрения, на которой стоял тов. Шатов, от анархо-синдикалистов, что профессиональные союзы—живые трупы, эта точка зрения разделяется большинством верхушек фабрично-заводских комитетов. Вы, вероятно, слышали здесь часто это слово—«верхушечная организация».

Из нашего питерского опыта можно сказать, что противоположность между верхушечной организацией и теми организациями, которые эта верхушечная организация представляет, нигде не высказывается в таких резких формах, как в Центральном Совете фабрично-заводских комитетов, которые окончательно теперь развились в верхушечную организацию, связанную не со всем питерским пролетариатом, а только с некоторыми предприятиями, которые особенно усердно обслуживаются под видом обслуживания всего фабрично-заводского пролетариата города Питера. Именно эта особенность этой организации, повторяю, и заставляет профессиональные союзы как в Питере, так и в провинции следить за тем, чтобы фабрично-заводские комитеты оставались только переходной формой, чтобы там, где нельзя добиться немедленного превращения фабрично-заводских комитетов в основную ячейку профессионального союза в данной отрасли производства, были употреблены все усилия, чтобы не дать возможности фабрично-заводским комитетам и их об'единению превратиться в организацию, параллельную профессиональным союзам, в организацию, раскалывающую рабочее движение только в интересах предпринимателей, которые сами вместе со своей организацией останутся у нас еще даже в том случае, если наша революция вызовет в скором времени отклик в Западной Европе, как об'ект нашей борьбы, скажем, лет на 10—15—20, ибо мы подходим только к началу социалистического строя, мы только приближаемся к победе международной социалистической революции. Но те, кто не забыли азбуки марксизма, знают, что как быстро ни совершался бы этот процесс экономического и политического развития, он измеряется, в зависимости от целого ряда об'ективных факторов, не днями, а годами и даже десятком и десятками лет. Если в той самой резолюции, которую мы приняли, как руководство для профессионального движения, мы должны были в пункте 8-м сказать, что с'езд уверен, что в результате наметившегося процесса профессиональные союзы неизбежно превратятся в хозяйственно-производительные органы социалистического государства,—я не буду останавливаться на критике этого пункта, меня это завлекло бы слишком далеко и не хватило бы даже того избытка времени, который мне предоставили,— если даже в этой резолюции мы должны говорить только о *наметившемся* процессе, если и в этой резолюции мы говорим каждый раз, что имеем дело с победой, которая только подводит нас к началу международной социалистической революции, которая только подводит нас к победе над капиталистическим способом производства, то мы должны помнить, что такая победа над капиталистическим производством возможна будет только тогда, когда мы ежечасно и ежеминутно будем продолжать делать дело классового об'единения пролетариата в одну организацию. Это — моя старая точка зрения, которую я защищал в 1906 году, и со-

гласно которой политическая, экономическая и культурно-просветительная организация должны быть все вместе об'единены одной основной организацией рабочего класса, его классовой организацией во имя превращения капиталистического строя в социалистический, в такую организацию, где ни одно из этих его 3-х составных частей не будет ставить своих минутных интересов выше основного интереса. Если, говорю я, мы стоим на этой точке зрения, то мы будем помнить и будем знать, что наша обязанность всеми силами бороться в рабочем движении со всякими сепаратными стремлениями, со всякими колокольными интересами, со всеми теми движениями и течениями, которые заставляют нас забывать, что краеугольным камнем превращения капиталистического строя в социалистический может быть только пролетариат и только классовая организация пролетариата во всех его формах—политической, экономической и просветительной, подчиненных его организации, во имя социалистического переворота. Только эта организация может нам помочь справиться с теми задачами, которые предстоят нам теперь в России, и которые предстоят нам в эпоху международной социалистической революции.

ПАРТИЯ, СОВЕТЫ И ПРОФСОЮЗЫ [1]).

По ходу реферата вы увидите, какие разногласия имеются у меня, с той новой тенденцией, представителем которой является Бухарин, разногласия в области теоретической постановки всего вопроса о профсоюзах в нашей практике и теории. Сначала несколько личных замечаний, которые я позволю себе сделать, ибо на этом с'езде есть много товарищей, которые меня не знают и могут быть введены в заблуждение одним замечанием тов. Рыкова: он позволил себе бросить замечание, что я настолько развращаю профессиональное движение, что он находит необходимым сослать меня, по крайней мере, в Якутскую область. Именно поэтому я позволю себе напомнить, что еще в 1905—1906 гг. я, в вопросе об отношениях между профсоюзами и партией, защищал ту позицию, которую только что защищал т. Бухарин. Я настаивал на полном подчинении профессиональных организаций революционной социал-демократии, как мы тогда говорили. Насколько точка зрения, защищавшаяся мною в 1906 г., не расходилась с той точкой зрения, которую сегодня защищал т. Бухарин, видно из того, что, когда в 1909 г. в России возникли споры по вопросу о роли профсоюзов, редакция большевистского органа «Соц.-Демократ» оказала мне честь, пригласив формулировать взгляды марксизма на профсоюзы. Это могут засвидетельствовать и имеющиеся в зале несколько т. т. из парижской партийной школы, куда меня пригласили прочитать ряд лекций по истории, теории и практике профессионального движения. Вы видите, что, если я развращаю профессиональное движение, то я этим упорно занимаюсь с давнего времени.

В тезисах т. Бухарина имеется ряд пунктов, о которых не приходится говорить. Я уже вчера имел случай указать, что по вопросу о коллегиальности и единоличии, Ц. К., со свойственными ему блестящими способностями, произвел новый пересмотр, потому что в тезисах, которые т. Бухарин предлагает принять, вы найдете более приемлемую формулировку, чем та, которая предлагалась вчера. Я говорю, как старый профессионалист, имеющий счастье находиться в контакте с большими слоями рабочей массы, что в этом вопросе имеется одна сторона, которую вчера неудачно выразил т. Томский. А он имеет огромное преимущество перед всеми нами, потому что в этой гуще профессионального движения

---

[1]) Содоклад и заключительное слово на 9 с'езде Р. К. П. в марте 1920 г.

он находится почти не меньше лет, чем самые старые работники профессионального движения.

Он имеет и другое преимущество, иногда не совсем удобное, что сам он из рабочей среды. Когда он вчера указал в неудачной форме на то, какие трудности предстоят профессионалистам в деле проведения решения о единоличии, он нащупывал то, что мы нащупывали в Москве на делегатских собраниях партийных работников, что мы нащупывали, т. Радек, на московской городской конференции, где тезисы Московского Комитета, в которых вопрос о коллегиальности и единоличии признан был не принципиальным, а практическим, прошли большинством 10 голосов. Позвольте указать на одну из этих трудностей. Я вчера сказал, что во всех этих спорах о коллегиальности и единоличии совершена громадная ошибка. Вопрос поставлен был таким образом, как будто бы подвергается сомнению коллегиальное управление во всей практике рабоче-крестьянской Советской России. Это есть величайшая ошибка. Вопрос о коллегиальности и единоличии в области Советов, органов диктатуры пролетариата, и тот же вопрос и в области управления предприятиями,—есть два различных вопроса.

Главная трудность заключается, товарищи, не в определении задач профессиональных союзов, а *в решении вопроса о функциях профессиональных союзов в эпоху диктатуры пролетариата, в определении той роли, которую они должны играть в процессе производства*. Тут позвольте мне сделать маленькую историческую экскурсию. Коммунистическая партия, революционная социал-демократия в старое время смотрела на профсоюзы, как на боевую организацию, охватывающую различные категории пролетариата по их основному классовому признаку, как один из элементов классовой организации пролетариата. Мы не боялись ни меньшевиков, ни оппортунистов, ни синдикалистов, когда заявляли на всех профс'ездах в 1905, 1906 и 1917 годах, что мы, революционные социал-демократы или коммунисты, смотрим на профсоюзы, как на рабочую организацию, которая есть одно из орудий в руках партии рабочего класса, высшей формы рабочего движения, в руках партии, которая ставит себе целью разрушение капитализма, замену его социалистическим, коммунистическим—лишаем роли классической,—чисто рабочей организации и до 1914 г., и до 1917 года. Просмотрите нашу литературу, всю литературу революционного марксизма, и вы не найдете отступления от этой основной задачи. Профсоюзы, являющиеся в рамках капиталистического строя, той экономической организацией рабочего класса, которая, в отличие от кооперации, об'единяет рабочих по классовому признаку, потому что она об'единяет рабочих, как владельцев рабочей силы, тех, которые непосредственно эксплоатируются классом капиталистов, являются вместе с тем основной экономической боевой организацией, направленной против класса капиталистов, одним из отрядов в общей

революционной борьбе рабочего класса. Но никогда представители рев. соц.-демократии или коммунизма не говорили, что эти профсоюзы вне капитализма в другую эпоху станут основными ячейками будущего общества. Мы вели борьбу со всеми синдикалистскими тенденциями, в чем бы они ни состояли. Я не буду останавливаться на различных формах синдикалистского течения, на формах, которые сводятся к махаевщине и т. д. Я укажу на основное течение, которое касается роли профсоюзов в производстве. По мнению синдикалистов, эти профсоюзы являются ячейками будущего коммунистического общества, теми основными организациями, которые будут управлять всем производством. И, товарищи, я бы просил кого-нибудь в этой зале,—тут сидят т. Радек и многие другие т. т., занимающиеся теоретически этим вопросом,—указать какое-нибудь место во всей нашей литературе, где бы мы не доказывали резким образом в борьбе с синдикализмом, что *профсоюзы могут быть только одним из элементов классовой организации пролетариата и никогда ее основой, или заменой*. Я не буду останавливаться на исторических условиях, которые заставили нас после 25 октября 1917 г. сделать уступки в этом направлении. Будущие историки скажут, что мы не в состоянии были бы овладеть ударными отраслями промышленности без того, чтобы временно не сдать их в руки того или иного профсоюза. Я напомню вам эпоху превращения Викжеля в Викжедор, но из нужды не делают теории. Одна из основных ошибок, которые мы сделали еще в прошлом году на партийном с'езде, состоит в том, что мы в программе осветили то, к чему теоретически не подготовлялись, осветили в программе роль профсоюзов в той области, которая им не свойственна. В какой степени это нас запутывает в противоречиях, лучше всего показывают нам тезисы т. Бухарина. Если вы возьмете нашу программу, то увидите, что там сказано, что «*профсоюзы должны придти к фактическому* сосредоточению в своих руках всего управленья всем народным хозяйством, *как единым хозяйственным целым. Обеспечивая, таким образом, неразрывную связь между центральным государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся, профсоюзы должны в самых широких размерах вовлекать последние в непосредственную работу по ведению хозяйства*».

Теперь возьмите тезисы т. Бухарина. Я не хочу цитировать «Азбуку коммунизма», которая имеется у вас в руках, я рекомендую т. т. прочитать соответствующие параграфы. Я возьму новые тезисы т. Бухарина. Оказывается, что профсоюзы, которые должны будут взять на себя управление производством, организация, которая должна воспитать всю массу по его тезисам, на пушечный выстрел не допускается к этому делу. Это проявляется в том, что «профсоюзы, не будучи обособленной организацией и отнюдь не заведуя целиком и исключительно хозяйством Советской республики, снизу до верху участвуют в организации произ-

водства. Приэтом ни одна из союзных организаций не вмешивается непосредственно в ход предприятий».

От этого до управления промышленностью очень далеко. И вот, товарищи, с той точки зрения, на которой мы стоим, эти противоречия отпадают. *В эпоху диктатуры пролетариата профсоюзы имеют две основные задачи.* Одна из них до известной степени аналогична той задаче, которую они выполняли по велениям партии в эпоху капитализма. Это тогда, когда из профсоюзов делали один из элементов классовой организации, когда на профсоюзы мы смотрели, *как на школу коммунизма, как на подготовительную школу для партии. Эта огромная воспитательная задача профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата, т.-е. даже в эпоху переходную, которая, может быть, будет длиться несколько десятков лет, продолжает сохранять свое громадное значение.* Мы живем в стране отсталой, в которой нет сельско-хозяйственного пролетариата, в которой городской пролетариат, используя историческую особенность развития русского капитализма, произвел свой переворот. Этот городской пролетариат представляет еще количественно незначительную группу, которая расплывается в сравнении *с огромным числом непролетаризированного крестьянства.* Если нам удастся справиться с разрухой, если нам удастся, действительно по лицу всей Советской России создать ряд образцовых предприятий крупной обобществленной промышленности, если удастся опять из этой крестьянской среды вылевить те десятки питерских, московских, иваново-вознесенских и других рабочих, которые теперь распылились в этой массе, если удастся создать эти ударные пункты, то нам удастся тогда втягивать все большие и большие кадры крестьянского элемента в эту сеть общественной промышленности. *И эта огромная воспитательная задача перевоспитания крестьянских мелко-буржуазных элементов для коммунистической организации выпадает на долю профсоюзов.*

Тов. Бухарин с этим согласен, хотя у него выражено это не совсем в удачной форме. Если при капиталистическом строе профсоюзы играли роль организаций, которые формально в первую голову должны были бороться за улучшение материального положения рабочих, то теперь эта задача изменяется. *Та боевая задача, которая была у профсоюзов в их борьбе непосредственно с властью капиталистов, отпадает. Эту задачу борьбы с классом капиталистов профсоюзы выполняют вместе со всей Советской Россией, вместе со всей коммунистической партией, в том бое, который ведет Советская Россия с международным капитализмом.* Но в пределах Советской России имеются не только обобществленные, национализированные отрасли промышленности, но и многочисленные средние и мелкие предприятия, которые теперь развиваются под покровом неудачного декрета о кустарной промышленности. И тут эти профсоюзы не имеют пред собой капи-

тализма, с которым они должны были бы бороться старыми способами. За этим капитализмом нет того, что было за теми старыми капиталистами, за ним нет аппарата государственной власти, за ним нет того механизма подавления, который имелся при старом капиталистическом строе.

Но тут какая же роль предстоит профсоюзам, должна ли отпасть от них эта задача организации труда, организации рабочих сил? Нет. *И в коммунистическом строе все общественное производство является результатом двух основных факторов. С одной стороны, скажу проще, мертвого инвентаря, машин, топлива, сырья, а с другой—живой рабочей силы, и среди тех производительных сил, которые имеются в распоряжении всякого общества, а в особенности коммунистического, основной, наиболее ценной, важной является живая человеческая рабочая сила, которая требует охраны, которая требует организации, и в этом коммунистическом обществе.* И мы, приближаясь к нему, должны это выполнять. Эти две основные задачи распределяются между двумя органами и это имеется уже в тезисах т. Бухарина. *Заведывание всеми делами общественного производства принадлежит совнархозу, принадлежит советским органам, органам диктатуры пролетариата, органам, которые берут на себя ответственность за ведение всего этого дела. Профсоюзы имеют другую задачу: они заведуют рабочей силой, занимаются ее охраной, ее воспитанием, занимаются повышением ее квалификации, и в эту переходную эпоху, и в коммунистическом строе в его первой фазе... Это ясная, точно ограниченная задача.* Конечно, тем, которые мечтали, что к профсоюзам перейдет управление производством, эта задача кажется, черезчур скромной.

Но, несмотря на видимую скромность, это есть одна из величайших задач, и если бы профсоюзы ограничились только этой особой задачей, они скорее могли бы вывести нас из разрухи, которая усиливается тем обстоятельством, что мы до сих пор не можем точно размежевать основных функций между различными органами Советской России.

Товарищи, когда мы полемизировали с синдикалистами старого типа, мы им говорили: профессиональные союзы нами используются, как один из элементов классовой организации, тех элементов, которые помогут партии захватить власть в свои руки и преобразовать это общество. Эти профсоюзы остаются одной из организаций, но вместо нее создаются—и это понятно в эпоху диктатуры—организации рабочего класса, которые от имени всего рабочего класса выделяют из себя,—поэтому мы были против буржуазной теории разделения властей,—как те органы, которые будут управлять и организовать производство, так и все другие органы. Тут не происходит никакого умаления значения рабочего класса. В тех советских организациях, которые являются наиболее широкими, являются органами классовой дикта-

туры пролетариата, в этих советских организациях рабочий класс создает самые разнообразные органы по лицу Советской России, создает, между прочим, и совнархозы, которые организуют производство. В самой организации этих совнархозов профсоюзы принимают участие, и формы этого участия т. Бухариным детально в тезисах указаны. *Всякий орган этого совнархоза составляется при участии профсоюзов, как той организации, которая охватывает рабочий класс, пролетариат.*

Но как только организованы эти совнархозы, как только профсоюзы выставили своих кандидатов, так с этих самых пор профсоюзы, как таковые, не имеют права вмешиваться в управление промышленностью, в ход всего производства. *Это дело всего рабочего класса в его целом.* Это дело советских учреждений, это дело коммунистической партии, как той партии, которая дисциплинирует, сплачивает, соединяет всю ту рыхлую ткань, которой является, в большей части своей, Советская Россия.

Это есть основное разделение, которое дает нам возможность точно разграничивать функции профессиональных союзов и функции совнархоза. И, товарищи, это точное разграничение не мешает, а, наоборот, предполагает, что в известных узловых пунктах нашей хозяйственной жизни, профессиональным союзам и совнархозу приходится соприкасаться. Во всех тех вопросах, которые касаются учета и распределения рабочей силы, охраны рабочей силы, которые возникают, когда в коммунистической России придется решать вопрос о переброске той или иной группы рабочих, необходимо, чтобы все задания выполнялись при совместном участии и совнархоза, и профессиональных союзов. Таким образом, ясно и точно разграничивая эти две основные функции, между двумя основными организациями того же самого советского аппарата, из которых каждая через свои коммунистические фракции подчиняется велениям коммунистической партии, мы достигаем того, что является первым необходимым условием выхода из той разрухи, в которой мы находимся, —это точное размежевание, разграничение, уничтожение того бесконечного параллелизма, когда мы каждый раз создаем новые органы для решения задач, которые великолепно могут выполнять профессиональные союзы и когда каждый из этих органов себя обставляет и целой канцелярией, и целым рядом организаций, и в первую голову издательскими и культурно-просветительными. Этого параллелизма нужно избегать. Этого параллелизма можно избежать только тогда, когда мы скажем, как это мы делали и до революции в борьбе с синдикалистами, а мы живем не только в пределах Советской России, —Советская Россия тесно связана с мировым хозяйством, у нас имеются известные обязанности перед международным пролетариатом, —что профессиональные союзы не могут являться основными ячейками будущего строя, основными организациями, ведающими и управляющими всем народным хозяйством.

Вот, товарищи, то основное расхождение, которое имеется в рамках нашей программы между мною и т. Бухариным, по вопросу о роли профессиональных союзов и совнархозов. Это расхождение я считаю устранимым. Практика уже в достаточной степени это доказала. И всем это показали шляпниковские тезисы не только в последней редакции, но и в первой редакции, на которую так часто ссылается т. Бухарин. Когда нам приходилось прежде и теперь вести споры против тех товарищей из профессионального движения, которые черезчур выпирают эпитет «рабочий», нам уже приходилось наталкиваться на следующее: каждый из них в свою защиту выдвигает партийную программу. Если вы возьмете тезисы тов. Зиновьева, которые напечатаны в 9-м № «Итернационала», то вы увидите, с каким трудом тов. Зиновьеву, который посвящает особый параграф борьбе с синдикализмом, с каким трудом приходится ему примирять это положение с нашей программой. Он должен был для этого выдвигать на первую очередь ту формулировку, которая заставляет примириться с теми тезисами, в которых он указывает, что профессиональные союзы не должны, как выражается тов. Бухарин, никоим образом вмешиваться в ход управления промышленностью или предприятиями. Я указывал и мог бы привести целый ряд таких указаний в тезисах т. Зиновьева и, в частности, в новых тезисах т. Бухарина. Все это показывает, что для того, чтобы на практике устранить все эти недоразумения, чтобы на практике раз навсегда устранить возможность возрождения тех синдикалистских тенденций, которые в нашем профессиональном движении никогда не имели особого влияния, необходимо иначе редактировать соответствующий пункт нашей программы. Тут в зале имеются старые профессионалисты. Они знают, что у нас только в 1918 году зародилось течение так называемого индустриализма на российский манер. Это то течение, которое нашло свое выражение в тезисах союза металлистов, в тезисах тов. Гольцмана, которые так понравились тов. Троцкому. Это тезисы того синдикализма, который старается выдвинуть профессиональные союзы квалифицированных рабочих на роль управляющих промышленностью. Тов. Зиновьев, правда, связанный программой, должен полемизировать с этим течением. Он указывает, что это течение находится в известном противоречии со всей нашей программой.

Вот что он говорит об этом в своих тезисах:

«Точно также необходимо оказать отпор тенденциям так называемого индустриализма, защищаемого некоторыми деятелями русского профессионального движения». Некоторые деятели—это тов. Гольцман, статья которого, недавно напечатанная в «Правде», является полной апологией рабочей аристократии.—«Индустриалисты,—продолжает тов. Зиновьев,— хотят построить всю нашу работу на индустриальных промышленных рабочих и третируют сверху вниз всю массу неквалифициран-

ного пролетариата... Но задача коммунистов-работников профессионального движения ни в коем случае не может заключаться в том, чтобы выделить и замкнуть в особую группу квалифицированных рабочих, составляющих меньшинство в рабочем классе. Идея коммунизма ничего общего не имеет с политикой ставки на рабочую аристократию».

А вы вчера слышали от т. Троцкого, что эта политика ставки на рабочую аристократию проводится теперь не только для квалифицированных рабочих, что эта политика ставки на рабочую аристократию ставится у нас в очередь для всех профессиональных союзов. Вы слышали, как нас предупреждали против той опасной тенденции безличия, против той опасной тенденции черезчур быть толпой, не выделять из своей среды героев, тех аристократов, за которых так ратовал на страницах партийного журнала тов. Гольцман. Таким образом, нам на-ряду с огромнейшими воспитательными задачами ставят в корне ошибочную задачу.

Мы всегда гордились тем, что нам в русском профессиональном движении удалось убить сразу попытку осуществить раскол на аристократию и неаристократию. Мы всегда вели борьбу против английских тред-юнионистов, и теперь, когда нам приходится на третьем году диктатуры пролетариата слышать здесь о ставке на рабочую аристократию, то я считаю себя в праве сказать партийному с'езду: берегитесь. Тов. Зиновьев прав, когда он говорит, что у синдикалистов все же имеется определенное здоровое зерно: борьба против тенденций замыкаться в узкую цеховую аристократию, противопоставлять эту аристократию рабочей массе. Это есть проклятое наследие капиталистического строя, которое замыкало рабочих в узкую идиотскую профессию, идиотскую не меньше, чем тот деревенский идиотизм, который убивает крестьянские массы. С этим профессиональным идиотизмом мы вели ожесточенную борьбу, и вели ее тем успешнее, что нам приходила на помощь пропаганда партии. Мы говорили рабочим, что они становятся членами коммунистической партии только тогда, когда они совлекают с себя, как индусы при входе в священный храм, грязную одежду, когда они совлекают с себя всякое наследие того общественного и технического разделения труда, которое господствует в капиталистическом строе, что в первую голову, в первую очередь мы ставим интересы рабочего класса в целом, независимо от национальности, религии, независимо от той или иной профессии.

И вот против той тенденции, которая нашла себе такое талантливое выражение в речи т. Троцкого, я и как старый профессионалист, и как партийный работник, находящий, что профессиональное движение необходимо подчинить партии, считаю необходимым предупредить. Мы, профессионалисты, будем употреблять все усилия, чтобы бороться с этим воскресшим призра-

ком рабочей аристократии, мы будем бить беспощадно всякие аристократические тенденции, в каких бы головах они ни скрывались (аплодисменты). Мы в профессиональном движении будем вырывать с корнем все остатки идеологии развившегося ремесленника, мастера, выделяющих себя из массы. Профессиональное движение не должно знать никакой аристократии, иначе оно перестанет быть подготовительной школой коммунизма, иначе оно как раз тогда, когда нам удалось обеспечить победой свою борьбу, станет источником для зарождения рабочей аристократии.

Тов. Бухарин вспомнит наверно, что, когда мы во фракции В. Ц. С. П. С. получили тезисы т. Шляпникова в их первой редакции, в которой особенно ярко проявились аристократические тенденции наших индустриалистов, особенно резко против этих тезисов выступили не только мы, но и он сам, на страницах «Правды». Партия должна будет всеми силами бороться с этой тенденцией, ибо партия, в которую принимается масса новых элементов, должна заботиться, чтобы в эту партию не вливались самые опасные представители тред-юнионистских тенденций. Нужно определенно сказать: руки прочь, рабочая аристократия! Иначе, товарищи, нам трудно будет справиться с тем больным вопросом, который у нас стоит на очереди,—как поставить так называемых спецов в товарищескую рабочую атмосферу. Только в том случае, если мы не будем развивать таких аристократических тенденций, мы сможем безболезненно решить этот вопрос.

Некоторые профессионалисты, к сожалению, не только те, которые стоят на нелепой точке зрения равноценности партии и профессионального движения, считают, что профсоюзы представляют не только равноценные организации в сравнении с советскими, но даже выше их. Я уже в самом начале сказал, что советская организация—это наиболее пригодная форма для организации диктатуры пролетариата, и в этой советской организации, как органе классовой диктатуры пролетариата, об'единяются все элементы рабочего класса, даже те, которые не прошли школы профессионального союза. В этой своей массе рабочий класс, организованный в советы, является источником всех организаций, всех полномочий, которые находят свое выражение в рамках различных советских организаций. Вот почему, товарищи, нельзя сказать, что профсоюзы представляют более высокую организацию, чем советская, потому что она чисто рабочая организация.

Это было не совсем верно до 1917 года, потому что и тогда мы знали, какую большую массу мелко-буржуазных элементов мы принимаем в свою среду, но это еще менее верно теперь, когда в профсоюзы влилась огромная масса тех мелко-буржуазных элементов, которые в 20 тысяч раз опаснее всяких мелко-буржуазных крестьянских элементов. В этом отношении аристократическое положение, которое занимали профсоюзы, совершенно

исчезло. Профсоюзы должны подчиняться советам, как органам классовой диктатуры пролетариата, но тут не должно быть никаких недоразумений. *И советы, и профсоюзы держатся, не расплываются, не растекаются только в том случае, когда они связаны, скреплены крепкой организацией, той высшей формой рабочего движения, которой является коммунистическая партия.* Этот вопрос, который так занимает товарищей-профессионалистов, отпадает совсем, когда мы говорим, что и советы, и профсоюзы подчиняются коммунистической партии. В первую голову идут интересы коммунистической партии. Падает коммунистическая партия, вместе с ней падают и профсоюзы, и советы. Дело не так страшно, останется организация коммунистической партии, которая исправит и это положение, которая найдет в себе силы опять создать и профсоюзы, и советские организации. В этом отношении мы стоим на той точке зрения, что первенство принадлежит, во всяком случае, коммунистической партии, которая одинаково об'единяет и профсоюзы, об'единяет и связывает советские организации. (Аплодисменты).

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ПРОФСОЮЗОВ В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА [1]).

Вопрос о профессиональных союзах обсуждался у нас на 9-м партийном с'езде. Там развивались различные точки зрения. Тов. Зиновьева на этом с'езде не было. Он только опубликовал тезисы, которые внезапно были от имени Ц. К. заменены другими тезисами. Мы присутствовали при зрелище, когда, со всем напором, который свойственен нашему центральному учреждению, нам навязали совершенно новый метод оживления профессиональных союзов. И тут т. Зиновьев прав: нам тогда рекомендовали — хотя в последнюю минуту это взяли назад — завести во всех профсоюзах политотделы.

Товарищи, вы видите результаты: т. Троцкий убеждает нас, что политотделы, Главполитпуть и Главполитвод, принесли большую пользу, т. Зиновьев против этого возражает. Он, как вы слышали, привел целый ряд аргументов, которые он забыл привести против т. Троцкого в транспортной секции, и которые показывают, что и дело ремонта не так блестяще обстоит, и транспорт не так поправился, как кажется тов. Троцкому. И вот, товарищи, мы должны это хорошо запомнить. Многие из нас приходят в остолбенение, когда им приподносят тезисы от имени Ц. К. А я рекомендую вам запомнить совет т. Троцкого, который он дал недавно на одном рабочем собрании: всегда в этих случаях мобилизовать свои мозги. Это нас избавит от необходимости с таким треском принимать чрез несколько месяцев прямо обратные решения.

Товарищи, я перехожу теперь к вопросу об основных задачах профсоюзов.

Профессиональное движение — и тут тов. Ленин совершенно прав — является исторически неизбежной формой движения промышленного пролетариата, с особенностями которой необходимо считаться и которую не так легко кромсать или изменять по произволу.

Рабочий класс создает целый ряд организаций, в том числе и профессиональные союзы. В эпоху господства капитализма профессиональные союзы имели две основных задачи. Во-первых, борьбу с капитализмом, при чем профессиональные союзы, руководимые нами, коммунистами, никогда не были «тред-юнионист-

---

[1]) Содоклад на фракции 8-го с'езда Советов 30 декабря 1920 г.

скими», ибо мы никогда не думали, что они строятся в рамках капиталистического строя, принимая его, как английские тред-юнионисты, за нечто низменное, а, наоборот, подчиняясь партийному руководству, ставили себе в своей повседневной работе, в своей неустанной борьбе с капитализмом, другую цель—замену капитализма коммунизмом.

Но профсоюзы, под руководством партии, выполняли и другую колоссальной важности задачу. Они играли роль школы коммунизма не в том элементарном смысле, как представляют ее себе т.т. Троцкий и Ногин, а школы коммунизма, как ее изображал Маркс,—школы, которая давала возможность втягивать в процесс воспитательной работы огромные массы рабочего класса, в отличие от партийной организации, в которую мы могли втянуть только десятки, сотни и тысячи. В этой школе коммунизма мы на всей повседневной практике профессиональной борьбы указывали этим рабочим (я советую т. Зиновьеву прочитать реферат т. Брандлера на последнем с'езде немецких коммунистов, это старый профессионалист и прекрасный коммунист), что, ведя без оглядки борьбу с капитализмом, борьбу за повышение заработной платы и за сокращение рабочего дня, мы в то же время показываем всей этой практикой, что дело не в повышении заработной платы и не в понижении рабочего дня, а в замене капитализма коммунизмом. Поэтому у нас профессиональное движение сыграло колоссальную роль в смысле школы коммунизма.

В соответствии с этими основными задачами мы создавали и особый тип профессиональной организации. В то время, как английские тред-юнионисты, французские и долгое время также немецкие тред-юнионисты старались организовывать профессиональные союзы по принципу профессии и цеха, мы в русском профессиональном движении уже с 1905 года поставили во главу угла принцип организации по производству. Это значит, что для того, чтобы облегчить задачу борьбы с капитализмом в определенной отрасли производства, мы об'единяли рабочих соответствующей отрасли производства в единый союз.

Спрашивается, изменились ли эти основные задачи профессиональных союзов в эпоху диктатуры пролетариата? Отпадает или нет их воспитательная задача?

По мнению т.т. Ногина и Троцкого—да. Тов. Ногин говорил о Главполитпросвете, т. Троцкий указывал на разные политотделы, на митинги. Т. т. Троцкий и Ногин ошибаются. Воспитательная роль профессиональных союзов не отпадает. Никакие митинги, лекции, политотделы, особенно военполитотделы, главполитпросветы не могут заменить той колоссальной могущественной повседневной практики профессионального движения, которая учит теперь не тому, что нужно заменить капитализм коммунизмом, а помогает обучать мало развитых рабочих тому, что теперь, в эпоху диктатуры пролетариата, когда сопротивление

капиталистов сломлено, мы лучше всего можем выполнить эту задачу на практике. Если в эпоху господства капитализма мы должны были тратить огромные силы, огромные запасы энергии, чтобы вовлекать этих рабочих в профсоюзы, то теперь они вовлекаются всем механизмом рабочего государства. Эта задача, на которую когда-то требовалось так много сил, теперь почти отпадает. Этим об'ясняется, почему в Германии, после ноябрьской революции 1918 года, в таких колоссальных размерах выросло число профессионально-организованных рабочих.

Именно это обстоятельство, освобождая нас от той огромной работы, которую мы производили по части вовлечения масс в организацию, оставляет нам больше энергии для воспитания этих уже втянутых масс в рамках профессиональной организации в духе коммунизма.

Мы должны надеяться, что, когда нам удастся наладить хозяйство, когда удастся сорганизовать целый ряд крупных предприятий по последнему слову техники, научным образом, мы в состоянии будем справиться с огромной массой распыленных, мелких, средних и кустарных предприятий, которые уходят из-под воспитательного влияния крупного промышленного производства. А пока, товарищи, эта воспитательная работа, работа превращения этих кустарных рабочих в сознательных членов своего союза, в коммуниста, должна производиться в первую очередь профсоюзами. К сожалению, они ее не могли производить.

Я не буду валить всю вину на В. Ц. С. П. С. Здесь товарищи говорили, что есть целый ряд условий, которые мешали этой работе. На партийном с'езде я уже говорил, что и при этих условиях мы в состоянии были бы—и Петроград уже начал это делать — опять пустить в ход то могучее средство, которое мы с т. Шляпниковым пускали в ход в Петрограде в 1917 г., когда собирали массовые собрания рабочих под названием общих собраний всех профессионально-организованных рабочих такого-то ремесла. На такие собрания всегда попадают мало развитые массы. И такую колоссальную просветительную работу можно выполнять на этих собраниях, показывает именно опыт 1917 г., когда в нашем распоряжении было время только от апреля до октября и когда на этих собраниях мы могли развить столь важную для партии деятельность.

Будем надеяться также, что нам удастся, наконец, организовать и совхозы, будем надеяться, что нам удастся организовать сельско-хозяйственное производство, будем надеяться, что целый ряд мелких крестьян, которые теперь бьются над своими клочками земли, войдут в эти совхозы, и тогда, товарищи, профсоюзам предстоит огромная задача и по части перевоспитания непосредственно этих крестьянских масс, которые придется втянуть в профессиональное движение.

Другая задача—задача борьбы с капиталом—совершенно

отпадает в эпоху диктатуры пролетариата, отпадает потому, что задача обороны рабочего класса против капиталистов выпадает теперь на долю органов диктатуры пролетариата. Но тут возникает новый вопрос, отпадает ли вместе с этим необходимость организации союзов по производствам?

И тут, товарищи, мы подходим к новым пунктам разногласий, которые лежат в основе наших споров. Какова роль профсоюзов в производстве в эпоху диктатуры пролетариата?

Здесь, товарищи, я должен признать, что мы имеем пред собой две последовательные точки зрения, с одной стороны, Ногина, с другой—тов. Шляпникова. Оба они противники дуализма. Один стоит за совнархозский монизм, другой—за профессиональный монизм. Оба рассуждают севершенно логически.

И в эпоху диктатуры пролетариата производство может управляться только из одного центра. Нельзя быть двум хозяевам в управлении одним и тем же предприятием: оно либо управляется совнархозом и его органами, либо профсоюзом. Тут остается выбрать одно из двух. Кто говорит или кто ставит себе целью участие профсоюзов *в управлении* производством, тот должен стать на точку зрения тов. Шляпникова. Я, наоборот, доказывал, что в эпоху диктатуры пролетариата профсоюзы не должны участвовать в *управлении* производством, и вот почему.

В эпоху диктатуры пролетариата, когда вся власть находится в руках рабочего класса, а также и средства производства, ясно, что все производство организует сам рабочий класс. На-ряду с другими органами своей диктатуры пролетариат должен создать специальный орган по организации этого производства.

Производство организуется рабочим классом и его представителем, коммунистической партией. Но организуется производство следующим образом: создаются—я за дуализм—два параллельных органа. Орган, управляющий производством, и орган, управляющий организацией рабочей силы или организацией труда для производства. Я прошу вас обратить внимание на то, что производство находится в руках рабочего класса. И это нужно запомнить. Профсоюзы на всех ступенях, от фабрично-заводского комитета до В. Ц. С. П. С., принимают участие в *организации* производства. На соответствующих собраниях они выбирают соотвествующих хозяйственных, производственных людей. Но, принимая участие в *организации производства*, они и на выстрел не должны подходить к *управлению производством*. Читайте резолюции 9-го с'езда партии. Читайте все поправки т. Бухарина. Вы там найдете это основное положение. С ним могут быть не согласны т. т. Шляпников или Ногин, но оно является основным в нашей партийной программе. У т. Бухарина это выражается в несколько хозяйской форме: не допускайте профсоюзы в область управления производством, хотя этому предшествует целый ряд комплиментов по адресу профсоюзов, организующих производ-

ство. Вы поймете, почему тов. Шляпников, несмотря на все эти комплименты, упорно заявляет, что это не то, о чем сказано в программе. Я поэтому иду дальше, чем другие товарищи, и стою за то, что предложил уже Московскому Комитету в прошлом году, т.- е. во избежание всяких недоразумений сказать в нашей программе, что в эпоху диктатуры пролетариата профсоюзы принимают—в таких-то и таких-то формах—участие в *организации* производством, но не имеют права вмешиваться в *управление* производством. Только при таком разграничении функций между этими двумя основными органами, ведающими областью непосредственного производства, между совнархозами и профсоюзами, возможно устранить те трения, на которые справедливо жалуются тов. Ногин и иные с ним, а с другой стороны, т. Шляпников и иже с ним. Пока мы не проведем ясной и определенной линии, пока мы не откажемся от старых синдикалистских переживаний, которые теперь в новой форме преподносятся в английском рабочем движении под названием гильдейского социализма, пока мы не откажемся от всех этих отрыжек старого мелко-буржуазного синдикализма,—мы не сможем решить основную задачу в области производства—разграничение функций различных органов.

У нас есть еще одна заковыка. Тов. Зиновьев совершенно резонно, в силу того обстоятельства, что он является председателем 3-го Коммунистического Интернационала, указывал на международную обстановку, с которой необходимо считаться при решении занимающего нас вопроса. Я не могу, за недостатком времени, подробно остановиться на этом. Скажу только, что вопрос может быть решен лишь в указанном мною направлении. Иначе мы попадаем в безвыходное положение, создавая и поощряя у себя в программе целый ряд тех пережитков, с которыми мы в нашей тактике справились еще до 25 октября. Товарищи Зиновьев и Шляпников хорошо знают, что движение фабрично-заводских комитетов, из-за которых идет теперь спор в Интернационале, у нас закончило свой цикл развития еще до 25 октября. Тов. Троцкий, наверное, помнит всероссийскую конференцию фабрично-заводских комитетов, которая закончилась за пару дней до 25 октября. Нам пришлось там обоим выступать. Мне с товарищами удалось добиться, чтобы всякая попытка устроить орган, управляющий всем производством, путем создания всероссийского центра фабрично-заводских комитетов, была уничтожена в корне.

- Это огромное преимущество нашего движения пред германским, мы сумели обосновать теоретически в спорах с нашими синдикалистами.

И дальше. Несмотря на то, что мы живем в эпоху диктатуры пролетариата, мы все же живем в стране, в которой огромное большинство населения состоит из крестьян. В связи с этим

возникает целый ряд тактических соображений, не таких простых, как изображал тов. Зиновьев, а тех, которые нам приходилось и еще придется развивать на крестьянских собраниях, чтобы об'яснить крестьянам, почему для них всего выгоднее диктатура пролетариата. Эти тактические соображения говорят, что все элементы населения должны знать, что управление производством находится в руках государства, а не отдельных организаций рабочего класса. Это должен знать крестьянин, это должны знать все мелко-буржуазные элементы нашей страны, и это освободит рабочий класс от целого ряда затруднений и упреков, которые неизбежны, когда вся ответственность за управление производством, как этого хочет тов. Шляпников, падает только на рабочий класс. Мы тогда легче раз'ясним крестьянам, почему мы хотим, чтобы и сельское производство подчинялось единому хозяйственному плану, чтобы все производство, в общественном масштабе, подчинялось руководству государства.

Задача коммунистической партии, главного проводника диктатуры пролетариата, позаботиться о том, чтобы и советские учреждения и профсоюзы выполняли в точности все ее директивы, чтобы не было ненужных трений между ними.

Я кончаю теми же словами, которыми кончил свой доклад на партийном с'езде. Если сильна коммунистическая партия, то сильны будут и советы и профсоюзы. Есть коммунистическая партия, то живут и советы и профсоюзы. Нет коммунистической партии—тогда прости прощай и советы и профсоюзы. (Аплодисменты).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Товарищи! Я знаю, что апелляция к голодному желудку на партийном с'езде—дело сложное. Я поэтому не буду апеллировать к вашему голодному желудку, но сокращу свое заключительное слово. Товарищи, те прения, которые у нас возникли по нашим докладам, дали немного, дали меньше того, что дали частные разговоры во время перерыва с товарищами. Нужно было бы ответить на некоторые вопросы. Задавали вопрос об огосударствлении профессиональных союзов. Тов. Томский совершенно справедливо отметил, что уже два года говорят об огосударствлении профессиональных союзов, но никто еще не указал точно, в какой форме мыслится это огосударствление профессиональных союзов. Тут не должно быть никаких недоразумений. Против огосударствления профессиональных союзов выступали тов. Томский и я. Но мы всегда прибавляли для меньшевиков, что если мы говорим против огосударствления профессиональных союзов, то по совершенно другим соображениям, чем они. Только тов. Лутовинов не может этого понять. Мы говорили, что мы против огосударствления не потому, что мы боимся потери какой-то независимости, мы указывали, наоборот, меньшевикам, что неогосударствленные профессиональные союзы в Германии оказались верными рабами государства, но не пролетарского, а буржуазного. Но мы говорили против огосударствления профессиональных союзов с другой точки зрения, ничего общего не имеющей с так называемой «независимостью». Но я не могу теперь останавливаться на этом вопросе.

Тов. Радек—теоретик, и пробовал указать, в чем состоит основная черта синдикализма, но тов. Радек, хотя и теоретик, ошибается. Я указывал на то, что, когда мы спорили с синдикалистами, а спорили мы с ними все время, то мы доказывали им, что профессиональные союзы являются только одним из средств классовой организации пролетариата, но ни в коем случае не могут быть ее основой, не могут служить заменой. Я сказал уже, что тов. Зиновьев указывает, верно, на одну прогрессивную сторону в синдикализме—на борьбу его с аристократическими тенденциями в профессиональном движении. Но синдикалисты думали, и тут мы с ними резко расходились, что они могут завоевать политическую власть, не сломив и не преобразовав аппарат буржуазной власти. Это разногласие было в области практики, в области способов борьбы, а основное разногласие по во-

просу об организации и устройстве будущего общества состояло в том, что синдикалисты смотрели на профессиональные союзы, вместе с эсерами, вместе с Жоресом, вместе с французскими синдикалистами, как на основные ячейки будущего общества или основные организации по управлению будущим общественным хозяйством. Этого тов. Радек не опроверг. Отсюда и путаница у товарищей и с одной, и с другой стороны, когда они говорят, что именно должны делать профсоюзы.

Тов. Бухарин, связанный как своей «Азбукой коммунизма», так и программой партии, старается теперь, исходя из положения, которое нельзя толковать в разные стороны, и которые тов. Зиновьев толкует иначе, только переставляя последовательность пунктов партийной программы, сделать противоположный вывод. В принципе, в теории, профсоюзы не только должны участвовать, как часть рабочего класса, в организации тех органов, которые предназначены для управления производством, но и действительно управлять всем производством. Но только в принципе, а на практике: не касайся! В тезисах тов. Бухарина вы так и читаете: не касайся. А по-моему, имеется простая основная демаркационная линия. Состоит она в следующем: рабочий класс, овладевший политической властью в форме советской организации, организует все органы управления, в том числе и органы, управляющие производством. Об'единенный в профсоюзы, рабочий класс принимает участие в организации всех этих органов, начиная от заводоуправления до Высш. Сов. Нар. Хоз.,— у тов. Бухарина вы найдете самое детальное перечисление всех органов—губсовнархозов и его основных ячеек,—но профсоюзы, как таковые, не организуют производство, не управляют промышленностью, а занимаются другим, порученным им делом: это—охрана рабочей силы, участие в распределении рабочей силы. Пусть тов. Лутовинов этим не смущается. В отчете В. Ц. С. П. С. вы найдете нормальный устав производственных союзов, написанный, кажется, тов. Томским, и вы узнаете, в чем состоят главные задачи производственных союзов. Это—улучшение материального положения рабочих, работа по всем тем вопросам, которые связаны с сохранением рабочей силы. Я, товарищи, и настаиваю, чтобы профессиональные союзы,—а это я считаю вовсе не «скромной», а, наоборот, крупнейшей задачей,—раз навсегда сказали себе: «Наша главная задача — охрана живой рабочей силы, этой важнейшей производительной силы и в коммунистическом обществе. *Принимая участие в организации всего производства, поскольку оно заключается в рациональной комбинации, взаимодействии средств производства, всего мертвого инвентаря, всех мертвых производительных сил с живой человеческой рабочей силой, профессиональные союзы сосредоточивают все свои усилия на указанной задаче огромной важности.* Если бы вы, товарищи, посмотрели, в каком состоянии находится

охрана труда, каковы условия работы на целом ряде фабрик, то вы увидали бы, какое широкое поле открывается для деятельности профессиональных союзов в области поднятия производительности труда. Именно тем, что профессиональные союзы не делают этого важного дела, что параллельно с ними возникают разные учреждения, занимающиеся тем же делом, именно этим об'ясняется в значительной степени и та неразбериха, и та разруха, которая у нас господствует до сих пор.

Именно в этом отношении я отличаюсь от тов. Бухарина и тов. Радека, но они имеют предо мною то преимущество, что опираются на пункт программы так же, как на этот пункт опирается тов. Шляпников, когда говорит, что хотят отстранить профсоюзы от тех задач, которые были возложены на них года полтора тому назад. Свою точку зрения я защищал на прошлом с'езде, защищаю и сейчас, потому что, пока не будут разграничены функции профсоюзов и совнархозов, у нас попрежнему профсоюзы будут путаться в ногах совнархозов, и последние, в лице тов. Молотова, будут жаловаться на профсоюзы, которые не в состоянии будут выполнять предстоящую им огромную воспитательную работу. Я уже указал, что вследствие дезорганизации нашего хозяйства у нас имело место распыление рабочих сил не только по деревням, а и по кустарным предприятиям, по коммунам, по совхозам. На-ряду с задачей собирания этих сил у нас еще остается задача по перевоспитанию огромных крестьянских масс, которые легче всего произвести в этой предварительной школе коммунистической грамотности. Именно тут профсоюзам предстоит огромная роль, кроме работ по участию в организации высших органов производства. И профессионалисты были бы черезчур требовательны, если бы они говорили, что эта задача черезчур скромна для них! Нам придется по этому вопросу еще говорить на сессии Ц. И. К., где мы будем опять заниматься разводом Комиссариата Социального Обеспечения и Комиссариата Труда после того, как мы их сосватали на первой сессии. Тут есть только одно решение, оно идет как раз в этом направлении, которое указывается защищаемой мною точкой зрения. И в старом обществе, в буржуазном обществе, в котором революционные социал-демократы и коммунисты выступали против всяких синдикалистских тенденций, они поддержизали одно требование профессиональных союзов. А именно, профсоюзы требовали—и в ряде наиболее прогрессивных буржуазных государств уже начали этого добиваться,—чтобы постановление профсоюзов по всем вопросам, касающимся охраны рабочей силы, тарифов заработной платы, всех условий, которыми в общей совокупности определяется улучшение материального положения рабочих,—чтобы эти постановления имели решающее значение, чтобы те тарифы, напр., которые утверждаются профсоюзами, распространялись на всю отрасль промышленности и имели для

нее законодательную силу. В связи с этим выставлялось и требование обязательного вхождения всех рабочих в соответствующие профсоюзы. И вот, если это требование, которое выставлялось и подчеркивалось нами еще в рамках буржуазного государства и которое может быть легко осуществлено, мы провели бы в жизнь, то это будет иметь громадное пропагандистское значение для всего мира. Нужно только ясно сказать, что профсоюзы, главная функция которых—заведывание рабочей силой и охрана ее, могут проводить свои постановления в законодательном порядке. Для аналогии возьмем совнархоз, функции которого должны быть точно разграничены от функций В. Ц. С. П. С. Точно так же, как совнархоз, заведующий всем народным производством, входит в Совнарком с своими предложениями и должен иногда поступаться частью своих требований в пользу других комиссариатов, так и в В. Ц. С. П. С., заведующий рабочей силой, пропускает свои требования через эту общегосударственную реторту и проводит свои постановления чрез Совнарком.

Но тут возникает вопрос о нашем никому не нужном Комиссариате Труда, который все еще не знает, что ему делать, который до сих пор не может найти себе определенную работу.

Вот уже целых полтора года, как наш комиссар труда бегает в тоске по пустым комнатам, не находя себе прочного места. И т. Шмидт сам подтверждает это, ибо и он хочет бежать из этого тоскливого дома в В. Ц. С. П. С. Мы не боимся сказать это и думаем, что на порядок дня следующей сессии будет поставлен вопрос об уничтожении Комиссариата Труда. И В. Ц. С. П. С., поскольку ему будут переданы функции Н. К. Т., будет являться главным органом в деле заведывания рабочей силой, и ничем больше, но зато все его постановления, прошедшие чрез Ц. К. и реторту Совнаркома, будут становиться законом. И тогда мы сможем самого т. Лутовинова послать по всем буржуазным государствам, и никто не скажет, что мы лишаем профессиональные союзы их прав.

Тут, товарищи, говорят о задачах партии в области профессионального движения. Тов. Томский указал на трагичность положения, в которое попадают профсоюзы. В Питере все-таки удалось до известной степени установить нормальные отношения между профсоюзами и партиями. Беспартийные собрания там устраиваются профсоюзами. И на этих больших собраниях они ставят вопросы, которые касаются профессионального движения. Я только что говорил об этом с товарищем Равич, и питерцы вполне согласны, что такие собрания имеют громадное пропагандистское значение и способствуют увеличению числа членов партии. Так что и в этом отношении, если мы только дадим профсоюзам побольше работников, мы сможем предоставить им вести пропагандистскую работу на основе тех вопросов, которые интересуют профессиональное движение.

Еще одно замечание о задачах партии. В последнем номере «Известий Ц. К.» я читаю о задачах партии в формулировке казанской губернской организации Р. К. П. Она подошла вплотную к одному из больных вопросов в отношениях между партией и профсоюзами. Мы, к сожалению, на фабриках и заводах—а я имею и счастье, и несчастье и теперь там довольно часто бывать, несмотря на свои архивные и академические занятия—наталкиваемся на ненормальные отношения между партийными и местными заводскими организациями. Когда я говорил о необходимости установления единовластия в пределах фабрики, то я настаивал на том, чтобы ком'ячейки были лишены всякого права вмешиваться в деятельность предприятия, в область деятельности спецов и правления. Это нужно будет сделать. Но нужно сделать и другое. В старое доброе время мы, коммунисты, в своих резолюциях проводили мысль, что каждый рабочий должен быть членом профсоюза. Теперь функции профсоюзов изменились, их боевые задачи изменились, и мы должны заполнить эти требования другими. Мы должны требовать, чтобы на каждом заводе, на каждой фабрике именно коммунисты, рабочие в первую голову, выполняли норму выработки, чтобы коммунисты-рабочие в первую очередь соблюдали все тарифы, чтобы рабочие-коммунисты показывали пример всем остальным рабочим, чтобы коммунисты и тогда, когда им приходится, как и вам теперь, в ожидании окончания моего заключительного слова, затягивать кушак, могли сказать: «Товарищи, я так же, как и вы, голодаю, но я работаю в первую голову и работаю больше вас!»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ Ц. К. О ПРОФСОЮЗАХ [1]).

...В чем состоит мое преступление, товарищи? До меня тут тов. Андреев читал вам о тех мерах, которые были приняты по части подбора руководящего персонала профсоюзов. Для того, чтобы вы знали, в чем состоит мое преступление, я сообщу вам текст резолюции, которая была принята на собрании фракции 4-го с'езда Профсоюзов 1500 профработников против 30 человек:

«Заслушав доклад т. Томского о деятельности ВЦСПС, фракция констатирует, что целый ряд об'ективных условий мешал правильной постановке его работы, что текучесть его состава и неприспособленность отдельных членов мешали организации в нем основного рабочего ядра.

Вместе с тем, фракция считает необходимым заявить, что одной из причин неработоспособности ВЦСПС является ненормальное взаимоотношение между Центральными учреждениями партии и фракции ВЦСПС». Комментарий вы имели в речи Андреева.

«Считая, что Р. К. П., в лице ее центральных и местных организаций, безусловно направляет всю идейную сторону работы Профсоюзов, фракция, в полном согласии с резолюцией X-го С'езда партии, признает в то же время необходимым, чтобы партия отказалась от мелочной опеки, чрезмерного вмешательства также в текущую работу ВЦСПС.

«Подбор руководящего персонала профдвижения должен протекать при направляющем контроле партии, но партия должна особенно тщательно проводить нормальные методы пролетарской демократии именно в профсоюзах, где более всего отбор руководителей должен делаться самими организованными партийными массами».

«При установлении нового состава Президиума ВЦСПС, ЦКРКП должен, сохраняя целиком в своих руках общее руководство всей идейной работой ВЦСПС, позаботиться о том, чтобы создано было основное рабочее ядро, которое получит возможность гораздо более самостоятельно, планомерно, систематически руководить всей работой профсоюзов, избавляя ЦКРКП от необходимости вторгаться во внутреннюю работу союзов по частям».

«Кроме того, фракция считает необходимым, в интересах поддержания и укрепления авторитета коммунистов, работающих

---

[1]) Речь на XI партс'езде в марте—апреле 1922 г.

в самой гуще профессионального движения, тесно связанных с широкими рабочими массами, чтобы ЦКРКП при выработке всех мер, так или иначе отражающихся на положении рабочего класса, а в особенности касающихся непосредственно его интересов, привлекал, в первую очередь, фракцию ВЦСПС. Только таким образом можно будет избежать недопустимого положения, когда партийные работники профдвижения позже всех узнают о подготовляемых и принимаемых мерах в области рабочего и экономического законодательства».

Это ли не правда? А последнее постановление ЦК о профсоюзах? Читаю дальше.

«На ряду с этим, фракция считает необходимым, чтобы ЦКРКП в срочном порядке пересмотрел уже поставленный на X-м партийном с'езде вопрос о целесообразности дальнейшего устройства беспартийных конференций рабочих отдельных отраслей промышленности. Фракция, со своей стороны, считает, что это увлечение беспартийными конференциями мешает нормальной работе профсоюзов, как массовых организаций, открытых для всех пролетариев, находящихся на всех ступенях развития классового самосознания. Наоборот, только систематическая организация делегатских собраний профсоюзов, их районных и городских конференций в состоянии укрепить связь профсоюзов с широкими рабочими массами и превратить фабкомы—эти основные ячейки профсоюзов—из убежища беспартийных в коммунистические. Только при проведении в жизнь указанных положений профсоюзы станут прочной опорой диктатуры пролетариата, настоящей школой коммунизма».

Беспартийных конференций в Москве после этой резолюции не собирали, а у вас их много собирали? (отдельные голоса с мест: собирали!) У нас больше не собирали.

Вот, товарищи, преступление, за которое я был отстранен от всякой работы в профдвижении, даже от чтения лекций по истории профдвижения в Англии, если эти лекции читаются в школе ВЦСПС.

Я бы никогда не подчинился этому бессмысленному, противоречащему программе и уставу компартии, решению. Только из уважения к фракции, которая апеллировала к партийному С'езду, я подчинился, и целый год отстранялся от работы в профдвижении со всеми теми оговорками, о которых я говорил вам, когда передавал толкование, сообщенное мне тов. Зеленским, какая мне, собственно, запрещена работа в профдвижении.

- Теперь, товарищи, мы перейдем к т. Томскому и его сегодняшнему докладу.

Вы уже слышали о моих новых «преступлениях». О них говорил тов. Седой, их перечислял т. Сольц. В чем же они состояли?

В том, что я в дискуссионном клубе развернул большую английскую газету и показал, что новое постановление ЦК о профсою-

зах состоит в известной связи с иностранным капиталом. Но вы, товарищи, слышали об'яснение т. Томского, от которого председателя Коминтерна наверное покоробило, ибо мы здесь говорим пред лицом всего Коминтерна.

Я с первого се'зда профсоюзов против того, чтобы ячейкам давать право вмешиваться в управление предприятиями. На собрании ответственных работников профессионального движения еще в 1919 году приняли мое предложение. Тут имеется тов. Троцкий, который заявлял: надо отдать профсоюзам управление промышленностью. Тут имеется т. Шляпников. Имеется программа партии, выставляющая это же требование. Лишь один я все время настаивал на том, что раз власть попала в руки рабочего класса, раз организация производства перешла в руки рабочего класса, в виде совета рабочих депутатов, то управление предприятиями остается в руках органов, подчиненных ВСНХ, подчиненных экономическим органам. Я говорил, что без разделения функций организации и управления не может быть нормального хода производства. Это я доказывал на всех трех С'ездах и предлагал переменить пункт программы. А Томский говорил: вопрос принципиальный, вопрос решается так, но временно мы отстраняем рабочих от этой работы. Мы теперь на пушечный выстрел не допускаем рабочих к управлению предприятиями... потому что иностранный капитал двадцать тысяч раз был бы идиотом, если бы согласился отсыпать вам чистоганчиком сто рублей золотом, не будучи уверен, что коммунистическая партия не вышибла коммуниста из управления. Вот что называется программным об'яснением в устах авторитетнейших представителей профессионального движения.

А по-моему не надо было ждать необходимости сдазать концессии, сдавать предприятия в аренду, чтобы сделать то, что мы должны были принципиально сделать уж давно, без того, чтобы в широких массах крепло убеждение, что мы им дали, а теперь отнимаем эти права. Какой купчина пойдет к товарищу Томскому, чтобы уплатить ему сто рублей золотом, если он не будет гарантирован, что ячейки не вмешиваются в управление предприятиями. Такова новая постановка вопроса т. Томским в его новой туркестанской модификации.

И дальше, вопрос о стачках. Если бы вы, товарищи, следили за этой дискуссией, читали все эти статьи, вы спросили бы себя, точно ли мы живем в Советской России, в царстве диктатуры пролетариата? Когда и где, в каком декрете у нас отменяли основное право рабочего класса, право коалиции, за которое воевал когда-то Троцкий? Право коалиции,—это есть основное право рабочего класса, это есть то право, которое лучше всякого другого служит критерием для того, чтобы отличить принципиально даже широко развернутую буржуазную демократию от рабочей демократии. Мы никогда не отказывались от права стачек, а

26-го октября, по моей инициативе и по инициативе других товарищей, мы в Петроградском Совете профсоюзов приняли резолюцию, в которой, не отказываясь от права забастовок, мы приглашали рабочих отказаться от применения этого оружия, ибо теперь наступили такие условия, при которых мы можем применять другие способы принуждения и убеждения. Но мы это оружие не выбрасывали. И когда мне приходилось встречаться за границей с представителями иностранных наших товарищей, я им в ответ на их вопросы говорил: у нас право стачек не отменено. У нас происходят недоразумения. У нас встречаются мало сознательные, мало культурные рабочие, которые иногда не знают, что у них имеются другие способы отстаивания своих интересов, но мы знаем это.

Товарищ Угланов это прекрасно знает, т. т. петроградцы это подтвердят, что, когда нужно было по душе поговорить с массой, то мы останавливали и железнодорожные забастовки и всякие другие забастовки. А теперь ни с того, ни с сего опять поднялся вопрос о праве стачек!

В Советской России рабочим вернули право стачек! И пошла эта канитель, пошли статьи т. Зиновьева, другого, третьего, четвертого: можно или нельзя бастовать. Можно или нельзя? Как будто стачка сама по себе является преступлением!

Бастовать можно, но в рабочем государстве бастуют только несознательные рабочие. Право бастовать остается, и остается нерушимо в Советской Конституции. Вот что надо было заявить, а не косноязычествовать по вопросу о забастовках.

Перейдем к вопросу о добровольцах. Вот сидит старый профессионалист, с которым мы работали в профессиональном движении чуть ли не 16 лет. Среди вас имеются товарищи, работавшие в американском и английском движениях. Когда, где, в каком профессиональном движении выдвигали принцип добровольчества? Где это было? Чем отличаются желтые профсоюзы от настоящих рабочих союзов? Тем, что дало повод революционным рабочим сегодня создать для добровольчества только одно название. Это полицейские, христианские, зубатовские, католические, протестанские и всякие другие союзы, основанные на добровольчестве.

Нельзя говорить так, как сегодня говорил Томский. Можно ли апеллировать от того профессионального движения, которое доведено, благодаря всяким «митрофанушкам», до того состояния, что нам теперь серьезно говорят: надо вернуться к добровольчеству! А вы, товарищи, знаете, что всего только на прошлой неделе один из наших опытных профессионалистов пробовал на крупной фабрике об'яснить все прелести добровольчества. Что с ним случилось? Когда он сказал рабочим—теперь вы можете добровольно вступать: кто хочет, тот платит, кто не хочет, тот не платит. «Не хотим платить»—ответили ему. Это называется

пропагандой добровольчества. И когда мы спорили, с меньшевиками и со всякими другими защитниками этого принципа, мы заявляли: добровольчество, это есть основной принцип партийной организации, это есть принцип организации, в которую входят свободно. Можно сегодня войти, а завтра уйти. Быть беспартийным—это не позор. Но на фабриках и заводах—и это помнят все старые профессионалисты—мы говорили так: вы должны, рабочие, все, как один, войти в профсоюз—кто не входит, тот штрейкбрехер, тот паршивец. Правда, Угланов?

Так мы создавали из профсоюзов школу коммунизма революционной социал-демократии. И теперь, после 5-ти лет пролетарской резолюции, нам выставляют принцип добровольчества профсоюзов. Где вы были, митрофаны профессионального движения? Протестовали ли вы против этого? Об'ясняли ли вы тем, кто этого не знает, что на добровольчестве можно построить только скверную добровольческую армию, но нельзя организовать профессиональную армию? Вот почему я протестовал против добровольчества, против этого нарушения одного из основных принципов профдвижения.

И дальше. В тех же самых тезисах ЦК я протестовал еще против одного пункта. Я очень уважаю специалистов, но не советских спецов. В силу целого ряда условий, мы получили на свою долю огромную массу весьма безталанных, безграмотных спецов. Такие безграмотные спецы плохо устраивались и при старом порядке. Только в виде исключения выдающиеся инженеры остались у нас, и остались те, которые, по приказанию своих бывших хозяев, должны беречь хозяйское имущество. Огромные же массы талантливых инженеров ушли, убежали, но об этих специалистах мы уже вспомнили в 1919 году в нашей программе, мы говорили о том, что их надо окружать товарищеской атмосферой, не приставлять по револьверу ко лбу, как когда-то выражались у нас по поводу привлечения военных спецов. Почему же, спрашивал я, нужно было именно в этом постановлении ЦКРКП посвятить целый параграф тому, что надо беречь спецов, как зеницу ока? Я говорил, что это есть только премия безталанным, бездарным спецам, которые так заполнили наши учреждения и которые, после этого постановления, задерут нос превыше Ивана Великого. Правильно я это сказал или нет, об этом нам расскажет практика. Я не понимаю, зачем постановление ЦК, принципиальное, программное, предназначенное не только для внутреннего распорядка, но и для международного движения, останавливается на частных мелких фактах, сообщает о предании суду таких-то и таких-то товарищей? Какое отношение имеет это к программным тезисам? Об этом я говорил раньше и теперь остаюсь при том же убеждении, несмотря на недавно инсценированный суд, вопреки всяким законам, вопреки юридическим нормам, над злочастными жертвами старого убеждения, что ячейки на предприятиях суще-

ствуют для того, чтобы вмешиваться во все дела управления. Я спрашиваю, почему нужно обрушиваться всем этим громом и гневом на стрелочника, который не может так быстро повернуться, как повертываются верхи? Если это преступление, то признаю себя виновным, но остаюсь при своем убеждении.

Я не хочу останавливаться на целом ряде других пунктов в постановлении ЦК. Я приветствую в нем одно, а именно, то, что раз навсегда покончено с основной причиной того, что нельзя установить настоящую смычку в различных отраслях народного хозяйства, что раз и навсегда в нем сказано, что коммунистическая ячейка не имеет права вмешиваться в область управления предприятиями. Она имеет лишь право, поскольку является основным элементом коммунистической партии, поскольку она является частью фабзавкома, вмешиваться, как часть рабочего класса в организацию всего производства сверху до низу.

Я остаюсь при старом убеждении, что, даже отступая назад, мы не должны отступать дальше, чем это указывает практика буржуазно-демократических республик в области профессионального права, в области рабочих союзов. Есть буржуазное учение, которое доказывает, что общая организация профсоюзов может устанавливать тариф по соглашению с предпринимателями, что раз эти тарифы выработаны, то они приобретают силу закона на протяжении всей страны, что этим тарифам, таким образом, придается публично-правовой характер. Об этом говорят буржуазные ученые. Почему же мы должны отказываться от такого требования?

Я стою на прежней своей точке зрения, что нам не нужно министерства труда—этой выдумки буржуазии для одурачивания рабочего класса. Нам нужны профсоюзы, у которых свои определенные задачи, как у хозяйственных органов—свои задачи. Рабочий класс, как рабочая сила, самая ценная производственная сила общества. В то же время рабочий класс является самым революционным классом общества. И профсоюзы имеют право всеми силами, всеми способами, со всей энергией защищать интересы этой рабочей силы, охранять ее, ставить ее в такие условия, чтобы повышалась ее квалификация, чтобы рабочие работали не истощаясь, не отдавая все свои силы, все свои нервы. И постановления профсоюзов в области защиты, в области охраны этой драгоценной рабочей силы—должны быть законом. Я сказал, что эти постановления полномочного органа рабочего класса не в области управления производством, как хотелось т. Шляпникову, а в области охраны рабочей силы, что эти постановления переносятся в тот общий орган—ЦИК или СНК—где имеются представители всех организаций. Там могут сказать профсоюзам, если это будет нужно, что они зарвались, что они, конечно, должны защищать интересы рабочей силы, охранять ее, но что общие условия страны, военная необходимость и т. д. заставляют нас еще раз обратиться

к вам с просьбой поголодать, отказаться от тех или иных требований, той или иной категории рабочих, чтобы укрепить диктатуру всего рабочего класса. И я повторяю, как и раньше, что, в эпоху диктатуры пролетариата профсоюзы—организованные рабочие—не должны управлять предприятиями, что они имеют другую основную, не менее важную задачу. Но в пределах этой задачи—охраны рабочей силы—они хозяева по отношению к органам управления наших предприятий. Ибо вы хорошо знаете, что, если на эти органы нет управы, если эти органы будут освобождены от строгой критики, то они в своей ретивости, в своем влечении к хозяйственному расчету, готовы будут отказаться от всего, от программы, от марксизма, а будут кричать: вот мы какие! Мы за половинную плату довоенного времени выкачиваем теперь больше, чем в довоенное время! Вот до какого чистоганного восторга доходят представители новейшей экономической политики! Только в том случае, если партия сейчас определенное решение, если партия навсегда откажется от этих колебаний, если партия раз навсегда скажет себе: здание диктатуры пролетариата может опираться только на рабочий класс, который имеет уверенность, что советскою властью делается все, чтобы доставить ему и большую свободу маневрирования и большую свободу достижений, чем в любой буржуазно-демократической стране,—только таким образом, повторяю, товарищи, мы в силах будем превратить профсоюзы в настоящую школу коммунизма. (Бурные аплодисменты).

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Как известно, на с'езде выбрана была специальная комиссия, которой было поручено проредактировать постановление Ц. К. о профсоюзах. В эту комиссию, по предложению, поддержанному огромным большинством с'езда, был выбран и я. Работа комиссии «прошла довольно дружно», как отметил докладчик комиссии т. Томский, хотя имела в своей среде такого отчаянного «меньшевика и независимца», как я. Кроме принятых в Комиссии поправок, я предложил на пленуме еще три поправки, которые, к сожалению, были отклонены, хотя сам т. Томский должен был признать, что они—«принципиально верны».

Одна из них касалась вопроса о стачках Я предлагал озаглавить четвертый тезис просто «Экономическая борьба в буржуазном и пролетарском государстве» и формулировать его следующим образом (курсивом набраны те места, которые отличаются от принятого текста).

«Пока существуют классы, неизбежна классовая борьба. В переходное время от капитализма к социализму неизбежно существование классов, и программа Р. К. П. говорит с полнейшей определенностью, что мы делаем лишь первые шаги в переходе от капитализма к социализму. Поэтому и Компартия и Советская власть, как и профсоюзы, должны открыто признавать существование экономической борьбы, ее неизбежность до тех пор, пока *не подрезаны все корни господства рынка, пока не закончен процесс превращения капиталистического хозяйства в коммунистическое*».

«*Экономическая борьба и при господстве капиталистического строя принимает самые разнообразные формы, начиная от более или менее острых конфликтов до систематической стачечной борьбы. Стачка поэтому является главным, но не исключительным средством экономической борьбы. Это всегда средство крайнее, наносящее ущерб не только хозяину предприятия, но средство, неизбежное там, где власть находится в руках капиталистов и весь аппарат государственной власти поэтому стоит к услугам капиталистов*».

«Другое дело при господстве рабочего класса в государстве, которое не признает частной собственности на землю, в котором большинство крупных предприятий находится в руках рабочего государства. Признавая за рабочими всех предприятий право коалиции и стачек, пролетарское государство переходного типа

создает ряд условий, при которых экономическая борьба рабочего класса, даже если она вызывается *бюрократическими извращениями этого государства, его ошибками или слабостями, или направлена против вырывающихся из-под его контроля классовых аппетитов капиталистов, может не принимать форму стачечной борьбы. К числу таких условий принадлежит преимущественное влияние рабочего класса во всех органах Советской Власти, полная гарантия невмешательства государства в интересах предпринимателей, роль профсоюзов, как организации рабочего класса, находящихся в самой тесной связи с органами государственной власти того же рабочего класса. Все эти условия дают возможность мирного улажения конфликтов между рабочими и хозяевами предприятий».*

На с'езде я указал, что моя редакция подчеркивает, что в Советской России право коалиций и стачек остается за рабочим классом. Насколько это было необходимо, лучше всего показали дебаты по поводу уголовного кодекса на апрельской сессии В. Ц. И. К. Статья 61 была формулирована так, что стачка могла казаться сама по себе преступлением. Я предложил выбросить слово «стачка». Нельзя считать—сказал я—преступным возбуждение к акту, который сам по себе не является преступным. Насколько мне известно, у нас нет ни одной статьи во всем рабочем законодательстве, которая бы считала стачки преступлением. А здесь предлагается об'явить стачку уголовным деянием. Я настаиваю на немедленной выброске слова «стачка».

Моя поправка, как это видно из стенографического отчета, была, несмотря на возражения тов. Крыленко, принята *единогласно*. Таким образом, и верховный орган республики подчеркнул, что рабочие имеют неограниченное право коалиции и стачек. Теперь уже дело профсоюзов во всех тех случаях, когда стачка возникает—вызывается ли она ошибками каких-нибудь не в меру ретивых хозяйственных органов самого государства или концессионеров—принять все меры к немедленному улажению или разрешению данного конфликта.

Вторую поправку я внес к тезису о так называемом возвращении к добровольному членству. Хотя комиссия, как я сказал, «выдернула из него самый ядовитый зуб», я предложил другую формулировку.

«*Основным условием развития мощных профсоюзов является распространение их влияния на всех рабочих данной профессии или отрасли промышленности. Поэтому, организованная часть пролетариата напрягает все свои усилия, чтобы довести число неорганизованных рабочих до минимума. Вот почему классовосознательные союзы стараются на каждом предприятии подчинить организованной воле большинства всех рабочих, которые, под флагом добровольного членства, уклоняются от несения жертв в той борьбе, плодами которой они пользуются наравне со всеми*

рабочими. Отказ от всякого насилия по отношению к членам своего класса не только не исключает, но прямо предполагает организованное воздействие большинства на меньшинство.

В пролетарском государстве, даже если оно, как у нас, не признает обязательности членства путем воздействия государственных органов, профсоюзы не могут отказаться от принципа подчинения меньшинства большинству. Но обязательность членства для рабочих каждого предприятия должна проводиться при помощи широкой агитационно-пропагандистской работы, посредством постановлений общих заводских собраний, а не формальным путем и не путем механического взимания взносов, при посредстве заводской администрации.

Именно это формальное отношение профсоюзов к зачислению в члены профсоюзов поголовно всех лиц наемного труда внесло известную степень бюрократического извращения в профсоюзы и оторванности последних от широких масс своих членов. Вот почему необходимо со всей решительностью заменить эти формальные и механические методы проведения обязательного членства методами основанными на воздействии путем агитации и пропаганды. Подготовляя и обучая всю массу работников на предприятиях и заводах, сплачивая их и повышая уровень их классового самосознания, раз'ясняя им весь вред классового дезертирства, необходимость нести жертвы во имя интересов целого, профсоюзы, как массовые организации, открытые для всех пролетариев, сумеют без всяких мер насилия и принуждения не прибегая к помощи государственно-принудительного членства, превратить всех рабочих каждого предприятия, каждой промышленности: в непременных членов того или иного производственного союза.

Не следует ставить никаких программных, политических или религиозных препятствий для вступления в союз. Профсоюзы сохраняют свой характер массовых организаций, открытых для всех пролетариев, находящихся на разных ступенях развития их классового сознания, В них свободно могут входить рабочие, различных политических взглядов и настроений, партийные и беспартийные, грамотные и неграмотные, религиозные и нерелигиозные и т. п. От членов профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата следует требовать лишь понимания товарищеской дисциплины и необходимости единения рабочих сил для отстаивания интересов трудящихся и помощи по отношению к власти трудящихся. Со своей стороны пролетарское государство должно всеми средствами поощрять профоб'единение рабочих в отношении как правовом, создавая для них свободные условия развития, так и в материальном, обеспечивая их помещениями и субсидируя их культурно-просветительную деятельность».

Третья поправка относилась к тезису об управлении предприятиями. Как я указал на с'езде, «тут впали в другую крайность» и ввели такие вещи, которые режут ухо всякого сознатель-

ного и даже бессознательного рабочего. Я, поэтому, предложил другую формулировку, из которой исключаются такие прелести, как свобода маневрирования, полнота власти в руках заводоуправления и т. д.

«Главнейшим и самым коренным интересом пролетариата, после завоевания им государственной власти, является увеличение количества продуктов и повышение *в максимальных размерах производительных сил страны*. Эта задача, ясно выдвинутая в программе Р. К. П., особенно обострена у нас теперь послевоенным разорением, голодом и разрухой. Поэтому, быстрейший и возможно более прочный успех в восстановлении крупной промышленности есть условие, без коего немыслим успех всего дела освобождения труда от ига капитала, немыслима победа социализма, а такой успех, в свою очередь, требует *точного разграничения функций заводоуправления и фабзавкома и возложения ответственности за успешный ход предприятия, а следовательно, сосредоточения всей административной власти в руках заводоуправления. Эти управления, на основе и в пределах заключенных с профсоюзами коллективных договоров, ведают распределением дензнаков, пайков, прозодежды и всяческого иного снабжения*, при строжайшей проверке фактических успехов в повышении производства, безубыточности и прибыльности его, при серьезнейшем отборе наиболее выдающихся и умелых администраторов и т. д.».

Практика покажет, насколько постановление Ц. К. в той формулировке, которую оно получило на XI с'езде партии, более соответствует специфическим задачам профессионального движения. Новая резолюция, которая выбрасывает самые неудачные места постановления, вызывавшие резкую, но вполне справедливую и верную критику, во всяком случае является крупным шагом вперед.

Самой вредной ошибкой, которую мы совершили в период 1918—1921 г., была неправильная оценка функций профсоюзов, навязывание им задач, которых они не могут выполнить по самой своей сущности. Отсюда—стремление *огосударствить* профсоюзы тогда, когда коммунистическая партия ставит себе целью *разгосударствить общество*, отсюда стремление навязать одной форме рабочей организации, профсоюзам, функции *управления* промышленностью, принадлежащие другой форме рабочей организации, *советской*.

Отсюда и еще более нелепая ошибка, попытка вывернуться из этого противоречия при помощи так называемой милитаризации труда, этой злейшей каррикатуры на всеобщую трудовую повинность, обанкротившейся сейчас же после того, как она была с такой помпой провозглашена, как настоящая панацея от всех зол и бедствий терзающих хозяйство Советской России. Теперь, когда у нас вместе с грязной водой норовят выплеснуть из ванны и ребенка, когда всякий новоиспеченный член новой модификации

старых главков, трестов и комбинатов, с видом ученого знатока говорит о «военном коммунизме», не мешает напомнить, что самой дикой формой этого военного коммунизма явилась именно попытка выпразить расстроенное хозяйство при помощи «милитаризации труда» и «цектранирования» профсоюзов.

Будем надеяться, что XI партийный с'езд положил конец тем колебаниям, которые отличают политику партии в области профдвижения и что ближайший партийный с'езд и из программы устранит всякие следы синдикалистского понимания роли профсоюзов в деле организации производства и управления промышленностью

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

Совещание представителей петербургских профессиональных союзов, выслушав обращение депутатов-рабочих Государственной Думы ко всем рабочим России и обсудив его, решило обратиться к ним со следующим письмом:

Мы с радостью и гордостью приветствуем, товарищи, ваше смелое решение обратиться с призывом ко всему рабочему классу.

Рабочие всей России не одну уже жертву принесли на алтарь народной свободы, они и впредь готовы будут жертвовать жизнью для великого дела освобождения всего трудящегося народа, но они должны для этого знать, вместе с кем и за что они должны бороться.

Побежденное в октябре, правительство воспользовалось декабрьским поражением пролетариата, чтобы отнять завоеванные им свободы. В Петербурге правительство обрушилось на все рабочие организации и старалось задушить молодое профессиональное движение. Оно точно хотело показать профессиональным союзам, что развитие их несовместимо с существованием самодержавных порядков. И до сих пор еще многие из тех, кто, не покладая рук, работали в профессиональных союзах, томятся в тюрьмах. Каторжным законом 4-го марта оно постаралось окончательно связать наши уцелевшие после разгрома организации.

Правительство мстит рабочим за свое октябрьское поражение. Никого оно не боится так, как рабочих. И в своей декларации оно избегает даже слово «рабочие». Как вы верно замечаете, «никаких законов для помощи рабочему классу в его бедственном положении правительство не обещает».

А нужно нам много.

Нам нужны законы, действительно обеспечивающие неприкосновенность личности всякого гражданина. Всякая недомолвка, всякая неясность только открывает двери полицейскому произволу и административному усмотрению, которые особенно тяжело ложатся на рабочих во время любой стачки.

Нам нужна полная свобода союзов, ибо только соединяя свои силы, мы можем осуществлять свои права, мы можем охранять себя от физического, нравственного и умственного вырождения, которым грозит нам не знающая никаких пределов эксплоатация капиталистов.

Мы требуем, чтобы из гражданских и уголовных законов

были исключены все статьи, ограничивающие, тем или иным путем, свободу стачек и союзов, устраиваемых рабочими для борьбы за более короткий рабочий день и более высокую заработную плату.

Нам нужна *полная свобода слова*, ибо без нее мы не можем обсуждать свои нужды, мы не можем столковываться насчет общих действий. Нам одинаково необходима *свобода печати и свобода собраний* без всяких ограничений, ибо эти ограничения всей своей тяжестью падают именно на рабочих.

Нам необходим 8-часовой рабочий день для всех рабочих, нам необходима действительная и широкая законодательная охрана труда городских и сельских рабочих.

Вместе с вами, мы требуем полной безусловной политической амнистии, отмены смертной казни, военного положения, чрезвычайной и усиленной охраны.

Вместе с вами, товарищи, мы убеждены, что не безвластная Дума при чиновничьем правительстве сможет выполнить все наши требования, а только полновластное Учредительное Собрание, избранное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, без различия веры, национальности и пола.

Случайные представители рабочих, вы будете сильны только поддержкой всего рабочего класса, маленькая кучка в Думе, вы заставите с собой считаться буржуазные партии, если за вами будут стоять миллионы рабочих.

Конечно, Дума—безвластна, но она может сослужить нам большую службу, если вам удастся обратить ее в трибуну, с которой раздастся громкое и смелое слово в защиту рабочего класса, а вместе с ним всего трудящегося народа, если вы будете энергично и решительно протестовать против всякой попытки наложить на рабочий класс новые оковы, откуда бы эти попытки не исходили.

Только в этой борьбе, как в самой Думе, так и вне ее, только в борьбе за созыв Учредительного Собрания вы превратите Думу в новый этап революционного движения, только в этом случае Дума послужит новым орудием организации рабочего класса.

А главный залог нашей победы, победы всего народа, заключается именно в организации рабочих масс.

Исполняйте же свой долг—и вы будете иметь за собой и политические организации и их профессиональные организации.

Нам всем предстоит еще тяжелая борьба, она потребует еще много жертв, но поддержкой нам будет служить уверенность, что мы приблизим день, когда Россия освободится от политического рабства и рабочие всей России вместе с пролетариатом всего мира сбросят с себя, наконец, и цепи социального рабства, когда положен будет конец эксплоатации человека человеком.

Совещание представителей петербургских профессиональных союзов.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

ЦИРКУЛЯР Ц. К. С.-Д. Р. П. О РАБОТЕ В ПРОФЕСС. СОЮЗАХ.

Товарищи! Профессиональное движение в течение последнего года развивается все быстрее и быстрее; профессиональные союзы перерастают уже рамки местных организаций; на очередь становится вопрос об их всероссийском об'единении. Перед социал-демократами, работающими в области профессионального движения, выдвигаются, таким образом, все новые и все более сложные задачи. Хотя острый политический момент требует от партии и массы сил и средств, русские социал-демократы не только не прекращают своей работы в области экономической борьбы и профессиональной организации пролетариата, но, наоборот, усиливают ее, поддерживая славные традиции российской социал-демократии, которая, по справедливости, может считаться родоначальницей русского профессионального движения. И об этом все более усиливающемся интересе к профессиональному движению свидетельствуют запросы местных работников, поступающие за последнее время в Центральный Комитет. К сожалению, приходится констатировать, что работа социал-демократов на местах не всегда носила единообразный характер. Единственным руководством могла служить лишь резолюция, принятая на об'единительном конгрессе в Стокгольме, но она давала лишь общие принципы, которые на местах толковались различно. Отдельные организации, а то и отдельные члены их вели работу — плохо ли, хорошо ли — на свой риск и страх. Только в последнее время делаются попытки среди партийных работников на особых конференциях столковаться друг с другом и поделиться общим опытом.

Принимая во внимание все вышесказанное, Центральный Комитет пришел к заключению, что необходимо организовать особую *профессиональную комиссию при Ц. К.*, которая могла бы взять на себя удовлетворение указанных запросов. Собирание партийного опыта, об'единение и согласование работы социал-демократов в профессиональных союзах, подготовка материалов для решения отдельных вопросов профессионального движения в согласии с общими задачами партии, критика и разработка законопроектов по рабочему законодательству и профессиональному праву — таковы главные задачи профессиональной комиссии. Со-

общая местным партийным организациям об ее возникновении, Ц. К. просит всех партийных работников профессионального движения доставлять ей все необходимые сведения, а равно и обращаться со всеми запросами, касающимися профессионального движения.

Центральный Комитет не сомневается, что товарищи оценят всю серьезность указанных задач. Только в этом случае, только при полной согласованности в действиях отдельных организаций и их членов в области профессионального движения, российская социал-демократия сумеет сообщить русскому профессиональному движению еще больший размах и укрепить в нем сознание общих классовых задач всего российского пролетариата.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРЕДЛОЖЕННАЯ ВСЕРОСС. КОНФЕРЕНЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

(март 1918).

1) Сознавая, что более, чем трехлетняя империалистическая бойня, в которую Россия была втянута преступной политикой царизма и которая поддерживалась не менее преступным соглашательством всех правительств, созданных великой русской революцией до октябрьского восстания рабочих и крестьянских масс, оставили нам тяжелое наследство в виде всеобщей разрухи хозяйственной жизни страны.

2) Что задачи организации всех экономических предпосылок успешного сопротивления вражескому нашествию сопряжена с колоссальными трудностями и требует от истощенных трудовых масс напряжения всех их сил и новых тяжких жертв, но принимая в то же время во внимание, что, только доказав на деле свою готовность защищать дело социализма и революции до последней капли крови не только от внутренних, но и внешних врагов, русской пролетариат поможет окончательно развязать международную революцию, которая одна лишь в состоянии обеспечить полный успех великой русской революции и сохранения ее завоеваний для трудовых масс.

нения ее завоеваний для трудовых масс.

3) Что принятие всех условий германского мира является не только разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма, не только нарушением обязательств, которые взяла на себя советская власть по отношению ко всем народам, вошедшим в состав социалистической федеративной советской республики, но и нарушением всех остальных пунктов декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа, которая была от имени советской власти пред'явлена Учредительному Собранию, и была принята после 3-м Всероссийским С'ездом Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

4) Что принятие условий этого мира не только не спасет русской революции, но и окончательно уничтожит все ее значение, как очага международной революционной пропаганды.

5) Что попытка принятием условий этого мира дать усталому и измученному народу, так называемую, передышку, и обеспечить существование советской республики является бла-

гим, но наивным пожеланием и осуждена на полное поражение, что за ратификацией этого мира должно последовать еще более тяжелое унижение, а именно обязанность сесть за один стол с предательской Радой и подписать все условия, которые будут продиктованы германским империализмом, и которые осуждают Советскую Россию на голодное существование и медленное экономическое разорение, а российский пролетариат, лишенный большинства, организующих его в могучую революционную силу крупных промышленных центров, на распыление и растворение в мелко-буржуазной крестьянской массе.

6) Что ратификация этого мира, как показывает продолжающееся наступление немцев, нисколько не избавляет Советскую Республику от новых ужасов войны.

Всероссийская конференция профессиональных союзов протестует против ратификации германских условий мира чрезвычайным Се'здом Сов. Раб., Солд., Кр. и Каз. Деп., и решительно заявляет, что, несмотря на аннексии германским империализмом областей, населенных пролетариатом, входящим во всероссийское профессиональное об'единение, российское профессиональное движение было и остается единым и нераздельным.

Признавая всю непрочность настоящего положения, вытекающего из условий этого позорного мира, конференция призывает все профессиональные союзы к самой энергичной работе по воссозданию боевых сил страны.

Считая, что увеличение производительности труда является одним из основных условий борьбы с настоящим экономическим кризисом, Конференция предлагает всем профессиональным союзам обратить усилинное внимание на укрепление среди пролетариата трудовой дисциплины, как необходимейшего условия восстановления подорванных производительных сил страны.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4.

О ВСЕОБЩЕЙ ТРУДОВОЙ ПОВИННОСТИ И МИЛИТАРИЗАЦИИ ТРУДА

(января 1920).

Организация народного хозяйства на коммунистических началах предполагает, с одной стороны, концентрацию производства в крупных и технически наилучше оборудованных предприятиях, с другой—централизацию всего экономического управления в руках единого органа, который при помощи соответственных производственных профессиональных союзов, регулирует всю хозяйственную жизнь и координирует деятельность подведомственных ему местных органов.

При условии преобладания мелкого хозяйства в селе и городе диктатура пролетариата может подчинить и втянуть в сферу влияния обобщественного хозяйства многочисленные предприятия только путем выработки и неуклонного проведения общегосударственного хозяйственного плана, ставящего себе целью об'единение и слияние отдельных предприятий, дальнейшее развитие централизации в области управления хозяйственной жизнью и рациональный учет как средств производства, так и человеческой рабочей силы, как единственное условие, при котором они могут быть использованы наиболее целесообразно в интересах всего хозяйства.

В первую очередь необходимо, в виду острого недостатка в квалифицированных рабочих силах, произвести учет всех обученных рабочих в стране, и не дожидаясь всеобщей демобилизации, срок наступления которой еще не может быть определен, по возможности, использовать всю квалифицированную рабочую силу, в каких бы учреждениях она ни была занята—советских или военных—в соответствии с нуждами главных отраслей промышленности, в первую голову транспорта.

Если даже при нормальных условиях человеческая рабочая сила является важнейшей производительной силой, то еще более возрастает ее значение в процессе производства, когда долгая империалистическая война и навязанная нам гражданская, довели весь хозяйственный организм до последней степени истощения, когда из-за отсутствия сырья и топлива замирает крупная промышленность, когда усиленное снашивание всего подвижного состава и железнодорожного пути грозит остановкой транспорта,

когда недочеты в области технического оборудования приходится компенсировать рациональной организацией массовой простой кооперации.

Введение всеобщей трудовой повинности является поэтому безусловной необходимостью, без которой невозможно было бы рациональное распределение человеческой рабочей силы между различными отраслями сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и транспорта.

Но если осуществление всеобщей трудовой повинности невозможно без применения мер принудительного характера, то в корне ошибочным является мнение, что это применение должно принять форму милитаризации масс работников или подчинения гражданских органов тем или иным военным органам.

По самому существу своему, военная работа, военная организация воспитывают в своих носителях ряд навыков, особый «воинский дух», важный при решении боевых задач, но плохо приспособленный для хозяйственной борьбы, требующей совершенно других приемов.

При возможности более или менее широкой демобилизации, сохранение огромных масс рабочих и крестьян на военном положении, поглощая по прежнему значительную часть наличных запасов и вновь производимых продуктов и, отвлекая на производство военного продовольствия и снабжения определенное количество рабочей силы, не только не приведет к поднятию производительности общественного труда, но, наоборот, вызовет в милитаризованных рабочих и, особенно, в крестьянах, усиленную реакцию против такого закрепощения в каких бы сравнительно мягких формах оно ни проявлялось.

Вот почему всеобщую трудовую повинность можно проводить лишь в форме гражданской повинности, в форме обязательной трудовой мобилизации, успешность которой обеспечивается не только системой определенных принудительных мер, но и уравнением привлекаемых к труду в деле снабжения продовольствием и оплаты с соответствующими категориями рабочих.

При отсутствии правильного учета населения с точки зрения производственной, придется, в деле трудовой мобилизации, комбинировать, несмотря на все его недочеты, мобилизационный аппарат военного ведомства с аппаратом наркомсобезтруда (отделы распределения рабочей силы), но при непременном условии тесного сотрудничества с профессиональными союзами.

Но даже самая совершенная система учета и мобилизации рабочей силы даст плодотворные результаты только в том случае, если на ряду с этим будет введено снабжение рабочих работающих фабрик и заводов во всех отраслях промышленности единым классовым пайком, путем задания забронированного продовольственного фонда.

КОЛЛЕГИАЛЬНОСТЬ И ЕДИНОЛИЧИЕ [1]).

В эпоху диктатуры пролетариата доминирующая роль его в процессе производства обусловливается не той или иной формой управления промышленностью, коллегиальной или единоличной, а самым фактом коренного изменения производственных отношений, экспроприацией класса капиталистов. Как буржуазия не останавливалась, в интересах увеличения прибыли, пред введением коллегиальной формы управления, так и пролетариат не должен останавливаться, в интересах повышения производительности труда, пред введением единоличной формы управления. С этой точки зрения коллегиальность и единоличие одинаково не могут являться для пролетариата безусловными формами управления промышленностью, и по своему значению уступают другим, более важным, факторам. Основными условиями при организации управления промышленностью во всех ее звеньях являются, во-первых, точное разграничение функций различных хозяйственных организаций, управляющих промышленностью (совнархозов и профсоюзов), без чего невозможно обеспечение единства и стройности в проведении определенного хозяйственного плана; во-вторых, компетентное, деловитое энергичное руководство (технически подготовленных лиц, прошедших определенный стаж). Организация руководящих учреждений промышленности, а равно и назначение специалистов на ответственные посты должно производиться по соглашению органов В. С. Н. Х. с соответственным органом В. Ц. С. П. С. Вся ответственность за выполнение поставленных данной отрасли промышленности заданий, диктуемых требованиями единого плана, ложится целиком на эти руководящие учреждения. Ни один из органов В. Ц. С. П. С., начиная от его президиума до фабкома, не вмешивается непосредственно в управление промышленностью или в область управления предприятием (начиная от президиума В. С. Н. Х. до заводоуправления).

В целях более точной организации управления предприятиями, также в целях экономии организаторских сил, имеющихся в распоряжении промышленного пролетариата, с'езд считает необходимым перестроить аппарат промышленного управления на следующих основаниях:

---

[1]) Резолюция, предложенная 9-му с'езду компартии.

1) Дальнейшее сокращение руководящих коллегий в средних и высших звеньях управления промышленностью, отдельными предприятиями или их группами; 2) сохранение и развитие единоличного управления основными производительными частями предприятия: отделами, цехами, мастерскими; 3) техническое и административное руководство предприятием поручается заводоуправлением директору-администратору из среды рабочих профессионалистов, обладающих соответственной технической подготовкой и прошедших определенный стаж в управлении мастерской, цехом, отделом,или из среды инженеров-специалистов; 4) заведующие отделами и цехами составляют вместе, под председательством директора-администратора, совет, обсуждающий и решающий наиболее важные вопросы, возникающие в технически-административной практике данного предприятия; 5) использование коллективного опыта, путем развития инициативы служащих и рабочих в введении каких-либо улучшений в производстве.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
1. Предисловие	3
2. Об'единительный с'езд Р. С.-Д. Р. П. о профсоюзах	7
3. Почему так поздно организовался в Петербурге союз рабочих по металлу?	14
4. Локауты и Профсоюзы	17
5. Профсоюзы и Государственная дума	23
6. Страхование рабочих или страхование капиталистов?	31
7. Социал-демократия и профсоюзы в России	44
8. Профсоюзы и фабрично-заводские комитеты	59
9. Партия, Советы и Профсоюзы	67
10. Основная задача профсоюзов в эпоху диктатуры пролетариата	77
11. Заключительное слово	83
12. Постановление Ц. К. о профсоюзах	88
13. Послесловие	95
14. Приложения №№ 1—5	100

Библиотека
Института В. И. Ленина

Кооперативное издательство „ПРОЛЕТАРИЙ“

ПРАВЛЕНИЕ в Харькове, Дворец труда, кв. 111, тел. 10—07.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ: 1) в Москве, 2) в Харькове (Московская ул.), 3) в Киеве ул. Воровского (б. Крещатик), 35, 4) в Екатеринославе (проспект Карла Маркса, угол Московской, телеф. 3—74), 5) в Полтаве, 6) в Кременчуге, 7) в Житомире, 8) в Чернигове.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ „ПРОЛЕТАРИЯ“.

ВЫШЛИ В СВЕТ:

1. **К. Маркс.**—Капитал т. I. 2 р.
2. **К. Маркс.**—Капитал т. II. 1 р. 25 к.
3. **Марксизм и национальный вопрос.**—Сборник статей. 2 р. 50 к.
4. **Г. Девилль.**—Капитал Карла Маркса (изложение 1-го тома с вступительной статьей „Очерк научного социализма).
5. **Г. Кунов и Г. Экштейн.**—Изложение IV тома „Капитала“ (три издания). 35 к.
6. **Фридрих Энгельс.**—От утопии к науке (2-е издание). 20 к.
7. **Фридрих Энгельс.** — Революция и контр-революция в Германии. 40 к.
8. **Фридрих Энгельс.** — Происхождение семьи, частной собственности и государства. 40 к.
9. **Эд. Бернштейн.**—Карл Маркс и русские революционеры. 20 к.
10. **К. Диль.**—Социализм, коммунизм и анархизм. 95 к.
11. **Блосс.**—История французской революции.
12. **К. Левин.**—Декабристы. 20 к.
13. **Из истории партии.**—Сборник воспоминаний. 50 к.
14. **Роза Люксембург.**—Письма из тюрьмы. 20 к.
15. **Роза Люксембург.**—Реформа или революция. 25 к.
16. **Н. Бухарин.**—От крушения царизма до падения буржуазии (2-е издание). 35 к.
17. **Х. Раковский.**—Основные задачи момента. 30 к.
18. **Х. Г. Раковский и М. Рафаил.** — Ближневосточный вопрос.
19. **Воробьев.** — Краткий курс политграмоты (2-е издание). 35 к.
20. **Арк. А. Н.**—История рабочего движения. 60 к.
21. **Тимирязев.** — Дарвин и его учение (2-е издание). 55 к.
22. **К. Каутский.**—Размножение и развитие в обществе и природе. 1 р. 10 к.
23. **К. Каутский.**—Классовые интересы. 15 к.
24. **К. Каутский.**—Аграрный вопрос. 1 р. 50 к.
25. **К. Каутский.** — Противоречия классовых интересов в эпоху французской революции. 26 к.
26. **Г. Плеханов.**—Ответ А. Богданову. 40 к.
27. **Окунев Як.** — Общедоступная политическая экономия. 25 к.
28. **Окунев Як.**—Происхождение богов. 21 к.
29. **Окунев Як.**—Смена вех в церкви. 10 к.
30. **С. Стрельбицкий.**—Администратор. 20 к.
31. **Панов.**—Происхождение мира и человека. 48.
32. **Доклады** на IV Конгрессе Коминтерна. 25 к.
33. **Шесть с'ездов партии.**—Сборник статей. 20 к.
34. **Пять лет.** — Сборник, посвященный октябрю. 30 к.
35. **N. N.**—О пролетарской этике. 25 к.
36. **В. Либкнехт.**—Воспоминания о Карле Марксе. 30 к.
37. **Т. Кампанелла.**—Государство Солнца. 35 к.
38. **В. Морис.**—Вести ниоткуда, 1 р.
39. **Томас Мор.**—Утопия. 1 р.
40. **Де-Фоэ.**—Робинзон Крузо. Повесть. 1 р.
41. **Мамин-Сибиряк.** — Аленушкины сказки. 45 к.
42. **Уптон Синклер.**—Король-Уголь. Роман. 1 р. 15 к.
43. **Степняк-Кравчинский.**—Андрей Кожухов. Роман. 1 р. 15 к.
44. **Ежемесячник.**—Календарь на 1923 г, 20 к.

Цены указаны в золотых рублях.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. **Инсаров (Х. Г. Раковский).**—Очерки современной Франции. 2. **Каутский.**—Изложение 2-го тома Капитала. 3. **Цингер.**—Физика. 4. **Коржинов.**—Эволюция органической и неорганической природы. 5. **Анатоль Франс.**—Рассказы. 6. **Уптон Синклер.**—Дебри. 7. **Л. Троцкий.**—От октябрьского переворота до брестского мира.